

Н. А. Прозорова

ВИКТОР РЫШКОВ И ЕГО ФОНД В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Имя Виктора Александровича Рышкова (1862–1924) – писателя, драматурга, редактора журн. «Родная нива» сегодня известно, пожалуй, лишь кругу специалистов по истории отечественной культуры предреволюционного периода.¹ Тем не менее он занимал вполне определенное место в театральной жизни начала XX в.: его комедии, драмы, водевили, сценки шли во многих театрах России и имели *своего*, постоянного зрителя, как в столице, так и в провинции. В 1900-е гг. открытие сезонов в театрах Ф. А. Корша (Москва), петербургском Театре литературно-художественного общества (Суворинском), Малом Императорском не обходилось без участия Рышкова. После столичных подмостков его драмы и комедии отправлялись в путешествие по провинциальным театрам, куда иногда приезжал и сам драматург и с удовольствием исполнял небольшие роли в собственных пьесах. Неоднозначное, а порой нелicenseприятное отношение критики к драматургии Виктора Александровича, приклеившей ей ярлык «рышковщина», не помешало ему стать любимцем в актерской среде и завоевать стойкую популярность у непритязательной театральной публики.

Целью настоящей статьи является рассмотрение творческой биографии Рышкова на основе материалов его архива, хранящегося в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН – фонд 270, а также с использованием документов других архивных источников. При этом следует отметить, что в последнее десятилетие внимание историков литературы зачастую обращено именно к судьбам и творческому наследию так называемых забытых, «второ-

¹ Специальных исследований, посвященных его биографии и творчеству, за исключением словарной статьи Т. П. Агапкиной, до сих пор нет (*Агапкина Т. П.* Рышков Виктор Александрович // Русские писатели: 1800–1917: Биограф. словарь. М., 2007. Т. 5. С. 413–414).

степенных» писателей и литераторов.² Этот интерес обусловлен стремлением воссоздать более полную картину отечественной культурной жизни изучаемой эпохи. Причем исследователи, изучающие проблему литературной иерархии, подчеркивают относительность понятия «второстепенный писатель» и ставят вопрос «о ”влиянии” малых сил литературы на крупных писателей».³ Еще одной задачей данной работы является краткий обзор архива драматурга как бесценного источника сведений по истории русского дореволюционного театра.

I

Виктор Рышков, потомственный дворянин, родился 20 дек. 1862 г. (по нов. ст. – 01.01.1863) в имении отца в деревне Старооскольского уезда Курской губернии Мышанка (встречается написание – Мышенка). «Деревня, где мы жили, называлась Мышенкой, – писал Рышков в воспоминаниях, – потому что когда-то принадлежала князьям Мышецким; затем Башиловкой, когда принадлежала отцу моей прабабки Башилову, и когда дочь его Федосья Савишна вышла замуж за прадеда А. Я. Рышкова, то она стала называться Рышковка или Орликом, но по большей части все-таки сохраняла свое первое имя – “Мышенка”».⁴ Деревня называлась также Орлеан Старооскольского уезда Курской губернии.

Отец писателя, Александр Николаевич Рышков (1824–1891) – столбовой дворянин Оренбургской губернии, офицер Нижегородского драгунского полка, почетный смотритель Тимского уездного училища (1860–1866), мировой посредник, а затем мировой судья в Бродке и в Петербурге, перешедший затем к адвокатской деятельности. В 1858 г. Александр Николаевич женился на Нине Палладьевне

² См., напр.: Забытые и второстепенные писатели XVII–XIX веков как явление европейской культурной жизни: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию проф. Е. А. Маймина, 15–18 мая 2001 г. Псков, 2002; Забытые и второстепенные критики и филологи XIX–XX в.: Пятые Майминские чтения, 14–17 ноября 2004 г. Псков, 2005; и др.

³ Михайлова М. В. Размышление над понятием «второстепенный писатель» (судьба Е. Н. Чирикова) // Забытые и второстепенные писатели XVII–XIX веков как явление европейской культурной жизни. С. 87.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 270. В. А. Рышков. «Мы. Семейная хроника и мои воспоминания о детстве и юношестве. С 1862-го по 1882-ой год» (далее: «Мы»). Архив находится в научно-технической обработке; далее ссылки на документы из архива даются в скобках в тексте статьи.

(урожд. Букреевой), дочери помещика Курской губернии, получившей домашнее образование. По воспоминаниям Виктора, родители жили дружно. «Отец и мать жили весело, – писал он. – Дом наш всегда был полон народом. Соседи помещики, а в особенности артиллерийские офицеры, <...> жили по неделям в доме отца» (ф. 270; «Мы»). В семье Рышковых было девять детей: Палладий (1859–1918 или 1919), Николай (ок. 1861–1905), Виктор (1862–1924), Владимир (1865–1938), Наталья (1868–1915), Любовь (1869–1942), Михаил (1871–1958), София (1874–1942), Сергей (1876–1950).

В ответах на анкету «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» С. А. Венгерова Виктор Рышков сообщал о своем происхождении следующее: «Сохранились документы о потомственном дворянстве за последние 200 лет, из которых видно, что все предки были помещиками и своевременно служили в военной службе». ⁵ Курская ветвь древнего дворянского рода Рышковых, к которой принадлежали предки драматурга, была внесена в 6-ю часть дворянской родословной книги Курской губернии. Среди сохранившихся подлинных документов в архиве имеются фамильные ценности: герб рода, ⁶ грамота императрицы Екатерины II на пожалование 19 окт. 1786 г. чина штык-юнкера артиллерии ⁷ прадеду писателя, Рышкову Алексею Яковлевичу, о котором правнук с любовью писал: «Взгляните на этого богатыря, который стоит облокотившись одной рукою на пушку. <...> Умный орлиный взгляд даже с портрета как будто видит тебя насковзь. <...> Это прадед мой <...> служивший в военной службе еще при Екатерине II-ой, что доказывает его красный артиллерийский мундир. По сложению был атлет» (ф. 270; «Мы»). В фонде также хранится формулярный список деда, Рышкова Николая Алексеевича, участника Отечественной войны 1812 г. ⁸

Младенческие годы Виктора прошли в Мышанке, но уже в 1868 г. имение пришлось продать по причине «расстроенных обстоятельств». Александр Николаевич Рышков получал свой основной доход от Орлеанского винокуренного завода, который был закрыт по произволу акцизных чиновников. По воспоминаниям писателя, отец отказался

⁵ РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 3135, л. 2. Библиографический листок, биография и библиография В. А. Рышкова. 1899, 12 апр.; б. д.

⁶ Описание герба см.: URL:<http://www.symbolarium.ru> (дата обращения: 30.03.2015).

⁷ Соответствует чину армейского подпоручика.

⁸ Еще один раритет архива: грамота императрицы Анны Иоанновны, выданная на пожалование чина гвардии адъютанта Ивану Воейкову (1736, 19 авг.).

дать взятку налоговым контролерам, которые «придрались к чему-то, закрыли завод и наложили штраф в 67 000 рублей» (ф. 270; «Мы»). Началось судебное разбирательство. Имение и имущество было незаконно арестовано, опечатано и конфисковано, торговля и производство приостановлены. Самого А. Н. Рышкова подвергли домашнему аресту. Его семья пережила чудовищное судебное беззаконие. «...арестование же всего моего имущества, – говорил Александр Николаевич в свою защиту во время судебного разбирательства, – было в таком размере, что даже законфискованные дрова не давались мне для отопления моего дома при 20 градусах мороза, не выпуская и меня из этого дома, и если б не вошел в спасение сосед, приславший мне свои дрова, то я со всей своею семьей преждевременно и даже без судебного приговора должен был подвергнуться новой смертной казни, заморзания, – а что все эти аресты были во всех отношениях неправильными и преждевременными, доказывается тем, что судебные места тотчас сняли их по рассмотрении дела» (ф. 270; дело о злоупотреблениях на Орлеанском винокуренном заводе А. Н. Рышкова).

Александр Рышков выдержал три суда, ездил в Петербург и дело в конечном счете выиграл. Но так как во время тяжбы завод простаивал и убытки были слишком велики, то Мышанку пришлось продать с молотка. В архиве имеются подлинные документы о злоупотреблениях чиновников на Орлеанском заводе: определение 1-го Отделения 5-го Департамента Правительствующего Сената о недоказанности обвинений, возведенных на А. Н. Рышкова, прошение его об убытках и др.

После продажи Мышанки в 1868 г. семья переехала в имение Бродок (другое название – Николаевка) Курской губернии, принадлежавшее Букреевой (урожд. Пущиной) Варваре Ивановне, бабушке по материнской линии. Судя по юношеским воспоминаниям, именно здесь у Виктора возникло первое ощущение родины. Память сохранила картины живописного места на берегу притока реки Оскол: большой барский дом, окруженный фруктовым садом, мельницу в полуверсте и находившийся невдалеке лес. В записках, хранящихся в архиве, будущий писатель оставил трогательные впечатления детства, сохранил семейные предания, рассказы и сведения о предках своего рода.

В августе 1870 г. Александр Николаевич переехал в Петербург, где был избран мировым судьей, и постепенно перевез в столицу семью. «Отец никого из нас не заставлял учиться с ранних лет, – писал Виктор Александрович в воспоминаниях, – но когда подходили года, в которые, по его мнению, пора было не шутя приниматься за книги,

он не давал спуска в этом отношении. <...> Я начал рано читать и писать. Пяти лет я уже читал, переписывал с книги, писал цифры, и тогда это было моим любимым занятием» (ф. 270; «Мы»).

Старший сын Палладий по приезде в Петербург был отдан в гимназию. Начал учиться и Виктор: 7 янв. 1872 г. он был определен в 6-ю классическую гимназию (располагавшуюся в доме Министерства народного просвещения у Чернышева моста), которую не кончил, выйдя из 6-го класса. «Имея на это возможность во всех отношениях, не кончил ни высшего, ни среднего образования, – писал позднее Рышков. – Не хотел. Мечтая о кругосветном путешествии, единственно куда стремился – в моряки. Но попасть в морской корпус не удалось по болезни (с 17 до 19 лет). В детстве и юности занимался только чтением. Читал в с е без всякой системы».⁹ Из сохранившихся в фонде документов следует, что с февраля по сентябрь 1880 г. Виктор учился в Морском приготовительном пансионе капитан-лейтенанта Д. В. Пекарского, но к приему в Морское училище не был допущен по медицинским показаниям (лишайное поражение кожи).

Судя по воспоминаниям Владимира, брата Виктора, любовь к театру у них возникла еще в отроческие годы. «Театр я обожал с детства, мы с братом Виктором, – писал Владимир Рышков, – имели тогда картонный театр, в котором картонными же действующими лицами были известные нам актеры оперы, балета и драмы, и мы сами импровизировали невероятную чушь под видом пьес. <...>

Я благословляю своего отца за то, что он, будучи хорошо обеспечен, предоставлял мне возможность бывать в театре не где-то там, наверху, а, напротив, в самых лучших условиях. <...>

Отец не был записным театралом, особого пристрастия ни к опере, ни к балету, ни к драме он не имел, он просто возил нас, детей, в театр».¹⁰

В девятнадцать лет Виктор ушел из семьи отца. В сентябре 1882 г. уехал в Кострому, где поступил (по протекции дяди) на службу в Канцелярию костромского губернатора. Но служба тяготила его, он стремился попасть в театральный мир.

«О сцене я очень много подумываю, – писал он отцу 24 нояб. 1884 г., – и уже давно решил, что впоследствии это составит мою

⁹ РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 3135, л. 2.

¹⁰ *Рышков Вл. А.* Воспоминания незаметного человека / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 262–263.

жизнь, но теперь рано, Папа. Надо подготовиться к ней, надо приучить себя в захолустье к сцене и публичности, как ты метко определил, а я прибавлю еще, что надо пожить в обществе, близко с ним, чтобы замечать за ним все, а потом изображать его верно» (ф. 270). В том же письме Рышков сообщал родным, что играет в спектакле по пьесе В. А. Крылова «Шалость»¹¹ Костромского Общества любителей музыкального и драматического искусств, и добавлял что в проекте еще десять пьес, в которых у него есть роли. Семья и, в частности, отец относились к театральному увлечению Виктора с сочувствием, что укрепило его в решении уволиться 26 апр. 1885 г. с должности помощника делопроизводителя и окончательно связать свою судьбу с театром. Он продолжал играть в спектаклях Костромского Общества любителей музыкального и драматического искусств (как под своей фамилией, так и под сценическим псевдонимом Загарин) в Костроме, потом – в Смоленске, исполняя все амплуа. В этот период у Рышкова завязался бурный роман с примой труппы Эмилией Семеновной Брянчаниновой, которая оставила ради него мужа, известного в те годы провинциального актера Людвигова (наст. фам. Май-Маевский) Людвиг Казимировича (1854(?)–1929). Осенью 1885 г. Рышков расстался с Брянчаниновой.¹²

Свою костромскую молодость Рышков с особенной теплотой вспоминал позднее, уже находясь в эмиграции во Франции. «И я, старик, – писал он брату Владимиру 1 сент. 1923 г., – пишу тут в шумном Париже воспоминания периода тихой Костромы, с каким-то особенным наслаждением переживая весну своей жизни, "первой любви", стремление на сцену, зачатки писательской деятельности...».¹³

Однако собственно актерская жизнь тоже не до конца удовлетворяла будущего драматурга: с театральных подмостков его тянуло к сочинительству. «Ты говоришь, Мама, что писательство плохая карьера, – писал Виктор Александрович матери 6 февр. 1885 г. – А я нахожу, что лучшей быть не может. Мне не нужно ни Титулярных, ни даже Тайных Советников, ни Анн и Станиславов на шею, мне нужно только, чтобы я был "человеком", в том смысле этого слова, как я его понимаю. Если со временем из меня выработается порядочный писатель, хороший актер и удастся остаться честным человеком, то мне

¹¹ Шла под псевдонимом Крылова – «Александров».

¹² Ее письмо от 10 авг. 1885 г. Виктор Александрович оставил без ответа.

¹³ ГЦТМ им. А. А. Бахрушина (далее: ГЦТМ), ф. 236, оп. 2, № 818, л. 1 (письмо В. А. Рышкова к Вл. А. Рышкову. 1923, 1 сент.).

лично решительно больше ничего не надо. Даже то, что так губит, так портит мое поколение – деньги, на меня не производит особого впечатления. Я их желаю только столько, чтобы без нужды поддерживать свою жизнь, богатства же мне, ей-богу, не нужно» (ф. 270). Первый рассказ Рышков написал еще в январе 1885 г., когда находился по делам службы в Курске. Начинающий автор послал свой литературный опыт сначала родным – «помолитесь с Бабушкой, чтобы писательство мое удалось» (ф. 270; письмо от 20 февр. 1885 г.), а затем попытался пристроить его в журналы «Вестник Европы», «Новь», «Наблюдатель», «Ниву», «Огонек», но безрезультатно. Тем не менее было ясно, что свой профессиональный и в определенной степени жизненный и нравственный выбор Рышков уже сделал. В конце 1885 г. начинающий (но еще не печатающийся) автор оставил сцену, перебрался в Петербург и поступил на службу в Департамент Общих дел при Министерстве внутренних дел (1886–1890), а затем служил в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий (1892).

Первый рассказ Рышкова «В^овремя. Деревенские картины» появился в 1888 г. в октябрьском приложении к журн. «Живописное обозрение», редактором которого был А. К. Шеллер-Михайлов. Александр Константинович прочитал рассказ Виктора Александровича «не в очередь» и принял его к публикации, став для Рышкова литературным «крестным отцом». В архиве драматурга сохранился, вероятно, один из первых читательских откликов на его публикацию «деревенских картин». «Вступление Ваше на литературное поприще, – писал Рышкову 5 дек. 1888 г. Н. Коренев, – вполне удачно. <...> С первой страницы возбуждается участливое внимание к детишкам, так мило, задушевно обрисованным Вами. Чувствуется тут правда, и веет теплым чувством» (ф. 270). Позднее, в 1897 г., Рышков писал воскресные фельетоны в газету «Сын отечества», которую также редактировал Шеллер. В 1904 г. Рышков опубликовал полную благодарности статью, посвященную своему учителю, в которой привел отрывки из писем других его «литературных крестников», в частности Вас. И. Немировича-Данченко и К. М. Фофанова.¹⁴

23 апр. 1889 г. Виктор Рышков обвенчался с дочерью отставного поручика Софьей Евгеньевной Эбергардт в Москве в церкви Георгия Победоносца на Всполье. 18 июля 1890 г. у них родился первенец –

¹⁴ См.: Рышков В. А. А. К. Шеллер-Михайлов // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива». 1904. № 1. С. 51–76.

сын Евгений, любимец отца, которому впоследствии Виктор Александрович передал свою страсть к писательству.

Начало семейной жизни Рышкова было осложнено смертью его отца Александра Николаевича в 1891 г. Этот год стал поворотным в судьбе писателя. Старшим в семье Рышковых был брат Палладий, но ответственность за родных пришлось взять на себя именно Виктору. «Я принял от отца мать и пять братьев и сестер, когда мне было всего 26 лет, а затем вырастил четырех собственных детей... (Евгения, Льва, Палладия и дочь Гали. – *Н. П.*)», – писал Виктор Александрович позднее.¹⁵ Содержать такую семью в столице не представлялось возможным: чиновничье жалование было ничтожным, литературный заработок начинающего автора оказался непостоянным. Для сокращения семейных расходов было решено переехать в провинцию – в Смоленскую губернию.

Затем к материальной недостаточности прибавились новые невзгоды: в 1893 г. Рышков заболел экземой. Впоследствии опыт пребывания в кожных лечебницах писатель передал в очерках «На больничных койках» (Пб., 1898; 2-е изд., СПб., 1906). Затяжная болезнь поразила глаза, в результате чего был потерян и литературный доход, и через два года семья окончательно разорилась. «Все, что я имел – вещи и обстановка, – было частью продано на удовлетворение мелких кредиторов, частью заложено ради хлеба насущного и пропало в закладе за невнос процентов, которые не из чего было платить, – писал Рышков 15 февр. 1895 г. в Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам. – <...> В настоящее время я разорен окончательно».¹⁶ После этого прошения Постоянная комиссия выдала всего 50 руб., и в октябре Виктор Александрович опять обратился с просьбой. Тогда ходатаем за него выступил А. К. Шеллер-Михайлов: «...Виктор Александрович Рышков, – писал он, – человек талантливый и напечатавший уже немало. Он чисто случайно поставлен с женой и тремя ребятишками в страшное положение: хуже всего то, что в марте он уже встанет твердо на ноги, так как казенное место уже за ним. А до тех пор можно с голоду умереть. Это человек крайне самолюбивый, и если он просит, значит, очень туго пришлось».¹⁷ 1 дек 1895 г. Постоянная комиссия

¹⁵ РО ИРЛИ, № 7314, л. 22 (письмо В. А. Рышкова к А. А. Луговому. 1912, 23 марта).

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, № 133, л. 2 об.

¹⁷ Там же, л. 6–7 (письмо А. К. Шеллера-Михайлова к Н. И. Познякову. 1895, 23 нояб.).

вновь выдала денежное пособие и затем в течение нескольких лет (до 1903 г.) помогала писателю, который обращался за помощью в связи с болезнями жены, детей и собственными хроническими заболеваниями.

Кроме Постоянной комиссии Рышкову пришлось обращаться за поддержкой и в Литературный фонд. В картотеке фонда указано, что с произведениями просителя в 1894 г. ознакомился П. И. Вейнберг, который «удостоверил, что Рышков – писатель, хотя и не особенно выдающийся, но все-таки хороший и вполне чистоплотный, а Шеллер в свою очередь подтвердил и литературные права Рышкова, и его бедственное состояние».¹⁸

Наконец, слегка оправившись от болезни и преодолев «отчаянные» обстоятельства, писатель выхлопотал себе место в Государственном контроле. Итак, вновь возвратившись в Петербург, Виктор Рышков снова чиновник: канцелярский служащий Департамента Железнодорожной отчетности Государственного контроля (1895), исполняющий обязанности столоначальника по хозяйственной части Канцелярии Николаевской инженерной Академии и училища (1896–1900), младший помощник делопроизводителя Управления по делам о воинской повинности Министерства внутренних дел (1900–1904). В июле 1905 г. он вышел в отставку в чине титулярного советника, и ему была назначена пенсия «в усиленном размере по 480 рублей в год» с 16 февр. 1905 г. из сумм Государственного Казначейства, но с января 1908 г. по 1912 г. Рышков еще работал письмоводителем Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Академии наук.¹⁹

На протяжении всей службы жалованье было недостаточным, и порой его хватало писателю лишь на то, чтобы «расписать долги». Дневник его пестрел записями: «Утром бегал по делам, днем служил, вечером писал»; «Денег нигде не достал. А их надо много»; «Опять

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 155, картотека, ящик IV, карточка № 86, л. 1 об. Здесь же указан псевдоним Рышкова – Викторов (Там же, л. 1). Рышков обращался в Литературный фонд за помощью и просил срочных ссуд вплоть до 1906 г.

¹⁹ Сведения о приеме Рышкова письмоводителем с 1 янв. 1908 г. даются на основании его личного дела: СПбФ АРАН, ф. 4, оп. 4, № 497, л. 1–2. Эти же данные приводятся в изд.: Список лиц, служащих по ведомству Императорской Академии Наук. 1912–1913 г. СПб., 1912. С. 57. Таким образом, вышеуказанные источники уточняют год поступления Рышкова на службу в Постоянную комиссию (ср. в статье Т. П. Агапкиной: «В 1906–12 письмоводитель Пост. Комиссии при АН» (*Агапкина Т. П. Рышков Виктор Александрович*. С. 413)).

бегал по делам без всякого удовольствия и опять служил с отвращением» (ф. 270; записи 28 окт., 8 дек., 11 дек. 1903 г.).

Рышков, долгие годы находившийся в бедственном положении, как никто другой понимал, что «профессиональный русский писатель – тот же пролетарий».²⁰ Работая письмоводителем Постоянной комиссии, он присутствовал на заседаниях, на которых распределялись деньги среди нуждающихся писателей. Средств, ассигнованных Государственным казначейством, всегда не хватало, и Комиссии надо было изыскивать другие возможности для пополнения бюджета. В 1912 г. Рышков выступил со статьей-воззванием «Братья-писатели», в которой сообщал обществу о положении литераторов.²¹ Статья вызвала полемику в периодической печати. Одним из оппонентов драматурга стал И. И. Ясинский, считавший сбор денег для писателей унижительным актом. «Единственная помощь, в которой нуждаются писатели, – заявлял он, – и которой они требуют, а не просят от русского общества, это – его отзывчивость к тому, что писатели пишут <...> Что деньги? стыдно говорить о деньгах».²² Большинство же журналистов признавали необходимость помощи и спорили скорее о форме ее (например, за счет продажи выпущенных литературным фондом специальных марок). Статья «Братья-писатели» вызвала сочувствие среди подписчиков. «Некоторые читатели, – пишет Н. А. Хохлова, – откликнулись на нее и прислали свои пожертвования (всего 236 руб.). В архиве (Постоянной комиссии. – *Н. П.*) сохранились квитанции к переводам, отправленным из разных мест России, часто без подписи, порой на очень незначительную сумму, которая была поистине дорогой лептой в деле помощи нуждающимся литераторам».²³

Чиновничья служба всегда тяготила писателя, и приспособиться к ней Рышкову так и не удалось: в этой среде он выглядел белой вороной. «...Вы являетесь среди наших гг. чиновников единственным "человеком", а не чиновником, – писал 17 июня 1904 г. Виктору Александровичу его сослуживец А. Чигирин. – Эту Вашу особенность

²⁰ Рышков В. Братья-писатели // Биржевые ведомости. 1912. 16 марта. № 12840 (веч. вып). С. 7.

²¹ См. примеч. 20.

²² Ясинский И. (Макс. Белинский). День чернильного пятна // Биржевые ведомости. 1912. 31 марта. № 12863.

²³ Хохлова Н. А. Обзор архива Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 годы. СПб., 2003. С. 53.

я в настоящее время слишком ярко вижу, а главное, глубоко чувствую» (ф. 270). Уродливость бюрократической чиновничьей жизни стала едва ли не главной темой произведений писателя, опубликованных в сборниках «Повести и рассказы» (СПб., 1897), «Рассказы» (СПб., 1900), «Рассказы. Вторая книжка» (СПб., 1903).

В 1904 г., когда Рышков уже имел репутацию беллетриста-бытовика, он получил предложение о редактировании вновь создаваемого еженедельного иллюстрированного журн. «Родная нива», издателем которого выступил А. К. Касаткин, по происхождению крестьянин Костромской губернии Буйского уезда. 29 нояб. Виктор Александрович записал в дневнике: «Вечером приезжали ко мне критик Измайлов и купчина Касаткин, настойчиво упрашивал меня быть редактором нового еженедельного журнала "Родная Нива". Предлагает 100 рублей в месяц, и редактировать его совместно с Измайловым. Согласился» (ф. 270). Первый (пробный) номер вышел 11 дек. 1904 г.

Журнал ориентировался на средний круг читателей, людей скромного достатка, стремящихся к знаниям и к осмыслению текущих общественно-политических событий. В нем публиковал свои произведения А. И. Куприн, печатались «столичные миниатюры» Н. И. Познякова, цикл общественно-политических очерков Н. Д. Носкова, «праздничные» рассказы и др. Стихотворения, преимущественно с лейтмотивом русской деревни, включались в каждый номер. Литературно-критический раздел вел А. А. Измайлов, художественной частью заведовал художник С. В. Животовский. Журнал выходил с приложениями.²⁴

Конкретизацией образовательно-воспитательной программы и лицом журнала стал раздел «Беседы», который вел Рышков. Он ставил в них социальные и нравственно-этические вопросы, активизируя самосознание «маленького человека» и воспитывая в нем чувства достоинства и внутренней свободы. Именно благодаря социальному мотиву «Бесед» журнал пользовался успехом у грамотных крестьян, мещанства и мелкого чиновничества, которые осознавали его как *свой* журнал и составляли ведущую читательскую группу. Всего в «Родной ниве» было помещено девять «Бесед». Поводом для их написания могли послужить конкретный бытовой случай, событие дня, издание

²⁴ Подробнее о журнале см.: *Прозорова Н. А.* История издания и читательское восприятие журнала «Родная нива» (по материалам архива В. А. Рышкова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 268–310.

правительственного приказа или «недоразумение», о котором писатель давал свои разъяснения.

Еженедельник «Родная нива» просуществовал недолго, что было характерной особенностью российской «тонкого» журнала начала XX в. 17 февр. 1906 г. Рышков сложил с себя обязанности редактора и вышел из редакции со всем составом сотрудников, убедившись в том, «что издатель (Касаткин) жулик».²⁵ Сообщение об этом было напечатано в различных газетах, в том числе и в «Биржевых ведомостях» в рубрике «Письма в редакцию».²⁶

Поскольку симпатии демократического читателя к «Беседам» Виктора Александровича были сильны, их продолжала публиковать (после закрытия «Родной нивы») в 1906 г. газ. «Правда Божия», издававшаяся в Москве Г. С. Петровым.²⁷

Между тем Рышкова, уже много к тому времени написавшего, выпустившего двухтомник своих сочинений (СПб., 1900), литературная критика не жаловала: чаще он получал положительные отзывы от читателей-друзей. Так, когда вышел сб. «Денщики» (СПб., 1906) с рассказами «На каторге», «Пила», «Магомет и Миша» и комедией «День денщика Душкина», Е. Левшина писала ему: «Спасибо за книжку. Я прочла ее с величайшим удовольствием. Вопрос о денщиках был одним из проклятых вопросов, а Вы так сердечно отнеслись к нему, что он еще рельефнее выступил перед<о> мной. Мне нравится больше других ”Магомет и Миша” – в нем есть своеобразная поэзия» (ф. 270; письмо Е. Левшиной, 1906, не позднее 10 февр.). И. А. Порошин (Белозерский) сообщал Виктору Александровичу 19 февр. 1906 г.: «Благодарю Вас за Ваших ”Денщиков”, к<ото>рых я прочел с большим удовольствием. Постараюсь дать о них краткий отзыв в ”Вест<нике> литер<ату>ры” (Вольфа) или в другом издании» (ф. 270). Поэт Д. М. Ратгауз присоединился к другим корреспондентам в письме от 8 янв. того же года: «...Я прочел ваш сборник с истинным удовольствием» (ф. 270). Впрочем, социальное звучание сборника отметила и профессиональная критика. «Очерки его (Рышкова. – *Н. П.*) написаны просто, бесхитростно и имеют в виду совершенно определенную, так ска-

²⁵ РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 3135, л. 8.

²⁶ См.: Биржевые ведомости. 1906. 24 февр. (веч. вып.) № 9200. С. 4.

²⁷ См., напр., статьи Рышкова в «Правде Божией» в 1906 г.: «Беседы. Ъ» (1906. 1 марта. № 51. С. 1); «Как быть?» (10 марта. № 59. С. 1–2); «Беспомощные» (12 марта. № 61. С. 1–2); «Дайте деревне врача» (16 марта. № 64. С. 2); «Маленькие коршуны» (26 марта. № 73. С. 1–2); «Ловкачи-рыболовы» (15 апр. № 89. С. 1).

зять, конкретную цель: автор стремится доказать, что институт денщиков отжил свое время и должен быть упразднен. <...> ...отдавать человека вместо военной службы государству на частную подневольную службу, напоминающую крепостную зависимость, – есть совершенное безобразие <...> Нам кажется только, что с этой вполне справедливой моралью автор (вероятно, не по своей вине) несколько запоздал».²⁸

К критическим разборам своих прозаических произведений Виктор Александрович относился скептически. «За отзывами и рецензиями о моих беллетристических трудах никогда не следил, – писал он. – И не собирал их, потому что знал – как и кем они пишутся в газетах и журналах. Читал их, вероятно, все. Но запомнил только статьи Амфитеатрова и профессора Манасеина о "Больничных койках". Настоящей критики никогда не читал. Все была – сплошная ругань. Скабичевский – единственный "критик", который писал обо мне. Но... разбирая книжку рассказов, выпущенных в 1898 году, он похвалил их в фельетоне газеты "Сын Отечества", а через несколько лет, разбирая новый томик рассказов и ругая их, писал в той же газете: "Это тот самый Рышков, который выпустил несколько лет тому назад книжку бездарных рассказов". Могут ли интересовать писателя подобные критики?».²⁹

И все-таки отдушиной для писателя оставался театр. В 1900 г. Рышков представил на объявленный Литературно-художественным обществом конкурс комедию «Барыня», написанную еще в 1897 г., и она была признана заслуживающей постановки.³⁰

²⁸ [Короленко В. Г.]. Виктор Рышков. Денщики. СПб., 1906 // Современность. 1906. № 2. С. 104–105.

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 3135, л. 9. В цитате упоминаются прозаик, драматург, критик и публицист *Амфитеатров Александр Валентинович* (1862–1938) и врач-клиницист, публицист, редактор журн. «Врач» *Манасеин (Манассеин) Вячеслав Авксентьевич* (1841–1901). Речь также идет о двух обзорных статьях А. М. Скабичевского, опублик. под названием «Текущая литература» в газ. «Сын отечества». В первом обзоре (1898. 9 янв. № 7. С. 2) критик дал положительный отзыв о сборнике Рышкова, а во второй статье, которую драматург цитировал по памяти, неточно, Скабичевский писал о вышедшем двухтомнике собрания сочинений следующее: «Вот перед нами два тома сочинений г. Рышкова. Не так давно еще он выпустил книжку рассказов под заглавием "На больничных койках". Как ни лубочны были помещенные в этой книжке рассказы <...>, но в этих рассказах было кое-какое серьезное содержание, встречались факты более или менее интересные и целиком взятые из жизни. Но, Боже ты мой, до каких пределов пошлости дописался г. Рышков в последнее время!» (1899. 26 нояб. № 321. С. 2).

³⁰ РО ИРЛИ, ф. 357, оп. 5, № 98, л. 4 об.

Однако первой поставленной пьесой Виктора Александровича стала не комедия, а драма: в 1901 г. он переделал повесть «Одинокие» в драму «Первая ласточка» и подал ее на конкурс в Литературно-художественное общество. Конкурсный путь Рышков считал для себя единственно возможным, так как пьесы представлялись анонимно, и таким образом начинающий драматург мог узнать «беспристрастное мнение компетентных людей», не знающих, что автор пьесы – писатель. Драма была принята к постановке. Впрочем, к драматургическим опытам Рышков приступил гораздо раньше. Так, из письма издателя журн. «Артист» Ф. А. Куманина от 8 февр. 1892 г. следует, что писатель уже тогда послал ему свою пьесу и получил ее критический разбор. «Скажу Вам пока вообще, что пьеса Ваша, как литературное произведение, вещь очень недурная, – писал Куманин, – и написана прекрасным языком, который сильно подкупает в ее пользу, т<ак> к<ак> языком вообще наши драматурги не отличаются. Лица – живые, характерные, интересно (говоря о стариках) задуманы. Молодые – шаблонны. Героиня удалась меньше. Но это, строго говоря, что хотите, но не драматическое произведение. Это хороший рассказ, рассказанный в драматической форме. В Вашей пьесе нет драмы, нет борьбы, все положения готовы. <...> Не сочтите за комплимент, но от Вас можно ждать хорошей вещи. Вы никак не можете отделаться от повествовательного характера. Не печальтесь, этого не мог и Тургенев» (ф. 270).

Итак, Рышков прошел на сцену через конкурс. После одобрения цензурой Виктор Александрович поехал пристраивать «Первую ласточку» в Москву и начал хлопоты в Малом Императорском театре с помощью брата Владимира, имевшего театральные связи. «Пьеса оказалась принятой, – вспоминал Владимир Рышков, – и мы с Виктором сразу же окунулись в московский театральный мир, который, скажу не хвастаясь и с гордостью, очень нас полюбил».³¹ Близкими московскими друзьями братьев Рышковых стали известный коллекционер и купец А. А. Бахрушин, актерская семья Садовских, А. И. Сумбатов-Южин, А. А. Яблочкина, О. В. Гзовская и др. «Я наслаждаюсь. Я попал наконец в свою среду, – писал Рышков в дневнике 30 авг. 1904 г., когда шли репетиции «Первой ласточки». – Как рыба, долгое время бившаяся и задыхавшаяся на земле и попавшая наконец в воду – в свою стихию – я радуюсь своему существованию» (ф. 270).

³¹ Рышков Вл. А. Воспоминания незаметного человека. С. 274.

Во время премьеры, которая состоялась 6 сент., зал был полон, зрители «не шикали» и приняли спектакль аплодисментами. Московская же критика на следующий день дружно отругала постановку, и это вызвало у начинающего драматурга неприятное чувство недоумения. Актеры стремились поддержать автора, который записал об этом в дневнике: «Но особенно хорошо высказался Южин. “Поверьте, – сказал он мне, – если бы эта ваша пьеса прошла не у нас, в Малом Театре, а тремя переулками дальше – в Художественном – по газетным рецензиям вы имели бы громадный успех. Ничего не поделаешь: им надо ругать Малый Театр“» (ф. 270, запись 16 сент. 1904 г.).

Уже с постановки «Первой ласточки» в 1904 г. драматург начал собирать разнообразные документальные свидетельства о сценической жизни каждой из своих пьес. В отличие от критических статей на собственную беллетристику, он с большим вниманием относился к оценкам рецензентов своих драматургических опытов. «Отзывы и рецензии о моих пьесах интересовали меня больше, – отмечал Виктор Александрович, – и их у меня собрано около 10 000 – из столичных и провинциальных газет». ³² Этот огромный фактографический материал, собранный драматургом, позволяет не только определить место Рышкова в театральной жизни предреволюционного периода, но и рассмотреть вопрос о характере воздействия его пьес на широкую российскую аудиторию и критериях их успешности.

Виктор Рышков оказался плодовитым автором, неизменно представлявшим к открытию сезона новую пьесу. Это его качество, которое не раз становилось поводом для насмешек, эпиграмм и шаржей, избравших драматурга с готовой пьесой под мышкой, не смущало ни зрителей, ни актеров, ни антрепренеров: его пьесы собирали постоянную публику.

Статистические данные только по петербургским театрам свидетельствуют о том, что, например, комедия «Змейка» шла в Русском драматическом театре А. К. Рейнеке более 50 раз, пьеса «Обыватели» в Александринском – 47 раз, «Прохожие» (там же) – 44 раза, «Казенная квартира» в Театре литературно-художественного общества – 42 раза. В Москве основной сценической площадкой для драматурга был театр Корша, который выполнял своеобразную роль законодателя мод для провинциальных антрепренеров. Пьесы Рышкова ставились в театрах Архангельска, Баку, Барнаула, Варшавы, Воронежа, Вятки,

³² РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 3135, л. 9.

Гомеля, Екатеринбург, Иркутска, Казани, Керчи, Киева, Кинешмы, Кишинева, Красноярска, Курска, Нижнего Новгорода, Одессы, Омска, Орла, Перми, Пскова, Риги, Ростова-на-Дону, Рязани, Самары, Саратова, Симбирска, Симферополя, Смоленска, Тамбова, Ташкента, Твери, Тулы, Тюмени, Уфы, Херсона, Челябинска, Читы, Ярославля и других городов. «Посмотрите на провинцию, – цитировал Як. Львов слова одного из артистов. – Чьи пьесы идут чаще всего и делают сборы – Рышкова; кто недавно в Харькове стяжал себе целый триумф – Рышков; возьмите Малый театр, чья пьеса была гвоздем сезона – г. Рышкова.

Театр, который не хочет порвать связь с реальной действительностью, не может пройти мимо Рышкова, если он не хочет окончательно уйти в заоблачные, мистические сферы».³³

Дарование Рышкова не вышло за рамки бытовых пьес: он не создал такого театрального образа, который бы пережил драматурга. Его темами стали карьеризм столичного чиновничества, солдатский и крестьянский быт, оскудение и разорение дворянских гнезд, осуждение мужской распущенности, сословных предрассудков и т. д. Театральные хроникеры отчаянно ругали Рышкова за безыдейность и легковесность. Но его незатейливые пьесы имели успех, который заключался в их бесспорной сценичности. Заведовавший репертуарной частью Александринского театра Н. А. Котляревский писал о пьесах сезона 1909/10 г.: «Рискуя навлечь на себя неудовольствие некоторых гг. драматургов, я перечислю эти пьесы в порядке той расценки, какая мной была сделана. На первое место я поставил пьесы гг. Рышкова, Трахтенберга и Карпова...».³⁴ Известно, что Котляревский резко отрицательно относился к символистским и натуралистическим постановкам и приветствовал реалистическую бытовую драму, на позициях которой прочно утвердились упомянутые им авторы.

Драматург стоял в стороне от дерзких экспериментов и поисков форм обновления традиционного театра. С вызовом он заявлял, что в его пьесах «на автомобилях не ездят, осликов не выпускают, аэропланы не летают».³⁵ Рышкову был чужд символический и условный театр, дававший бóльшую свободу автору, режиссеру и художнику,

³³ Львов Як. «Обыватели» Рышкова в театре Незлобина // Новости сезона. 1909. 4 нояб. № 1847. С. 5.

³⁴ Котляревский Н. Письмо в редакцию // Обозрение театров. 1909. 13 окт. № 873. С. 7.

³⁵ Б. п. Наши драматурги // Биржевые ведомости. 1909. 10 июля (веч. вып.). № 11202. С. 4.

но ограничивавший творческие возможности актера. Виктор Александрович считал, что искусство актера самоценно и преходяще, и старался помочь ему блеснуть в роли своим талантом.

В этой позиции драматурга последовательно поддерживал театральный критик Э. А. Старк (Зигфрид). «Заметили ли вы, что Рышкова всегда хорошо играют, – писал он. – В чем тут секрет? Он очень прост, хотя по нынешним временам считается утерянным. Рышков великолепно знает сцену и пишет, применяясь к сцене, а не к домашнему чтению, как делает три четверти современных отечественных авторов. <...> Раз актерское искусство существует, а без него не было бы театра, надо, чтобы для выявления его в наивыгоднейшем свете всегда была подходящая пища. Соображения о большей или меньшей глубине пьес Рышкова – это дело отдельное, но в чисто сценическом смысле они все резко выделяются из общего уровня, давая актерам благодарнейший материал...».³⁶

Рышков как сторонник актерского театра считал, что главный враг драматурга после цензуры – «режиссер-высочка» (неудавшийся актер), а также, в его терминологии, – «режиссер-рекламист», т. е. тот, кто «оттирает автора и сводит ”на нет” актера, а сам, кривляясь и всячески рекламируя себя, играет свою безусловно второстепенную роль у самой рампы...».³⁷ Не оспаривая необходимость режиссерской профессии, Виктор Александрович, имевший достаточный, но не всегда удачный опыт совместной работы с постановщиками, приводил в цикле статей «Драмы театра» немало характерных примеров возмутительной отсебятины, которую приносили режиссеры в его пьесы. Приведем лишь один показательный случай. В драму «Казенная квартира» помимо девятнадцати действующих лиц режиссер-постановщик ввел без ведома автора еще четырнадцать (!) персонажей (видимо, чтобы дать работу ученикам своей школы). «Правда, он (режиссер. – Н. П.) не дал им своих слов, – писал Рышков. – До этого еще не дошло. Но, я думаю, скоро дойдет и до этого... <...> Эти 14 действующих лиц появлялись в разное время в виде разнообразных ”просителей” и, не имея никакого отношения к развитию действия и к пьесе вообще, зря отвлекали внимание зрителя...».³⁸ В результате критика упрекала *автора* за растянутость второго действия и за множество «ненужных лиц».

³⁶ Зигфрид. Эскизы // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 13 нояб. № 256. С. 3.

³⁷ Рышков В. Драмы театра. (V) // Театр и искусство. 1911. № 3. С. 61.

³⁸ Там же. С. 63–64.

По выражению театрального критика Ю. Д. Беляева, у Рышкова были «легкое “письмо“, хороший язык и какая-то особенная интимность с публикой».³⁹ Виктор Александрович ориентировался на эмоциональные (а не утонченно-интеллектуальные) переживания самой широкой публики, не требующей от театра ответа на «проклятые вопросы». Вот почему рецензенты вынуждены были констатировать: актеры играли превосходно, публика была довольна и много смеялась. Известный театральный критик А. Р. Кугель (*Homo novus*), сторонник актерского театра, был тоже в числе тех, кто считал, что «легким» пьесам есть место в театре. «В. А. Рышков решительно написал “приятную пьесу”, – писал он об «Обывателях», – и я ему очень благодарен за доставленное удовольствие».⁴⁰

Ориентация на массового зрителя – важная составляющая деятельности Виктора Александровича – неожиданно стала объектом внимания другого драматурга, критика, публициста и проповедника «организованного опрощения культуры» М. Ю. Левидова. В русле декларации социально-полезного действия искусства Левидов написал в 1923 г. статью «Театр: его лицо и маски»,⁴¹ в которой выбрал Рышкова в качестве примера драматурга, работавшего для театра «как объекта массового потребления». В заостренно полемической форме критик выступал против *литературного* театра, отстаивая права театра *социального*. «Материал, над которым работает Чехов и Рышков, – одинаков: слово, – писал Левидов. – Но совершенно различны и несравнимы – цели работы. <...> Чехов работает – если хотите, творит – для читателя, – Рышков – для посетителей театра. Первый рассчитывает на индивидуальное, второй на коллективное восприятие».⁴² «Драмодел» работает (по Левидову) на «определенную потребительскую сферу» и считается с театральными законами, в то время как писатель, избравший «драматическую форму лишь как случайное русло», с этими законами не считается. «...Русский театр – когда он оставлялся в покое политикой и литературой, – заявлял Левидов, не признававший «оранжерейный» театр для столичной интеллигенции, – как к солнцу тянулся к Рышковым и Крыловым».⁴³

³⁹ Беляев Ю. Театральные заметки // Новое время. 1909. 3 дек. № 12116. С. 6.

⁴⁰ *Homo novus*. По театрам // Театр и искусство. 1909. 6 дек. № 49. С. 888.

⁴¹ Левидов М. Театр: его лицо и маски // ЛЕФ. 1923. № 4. С. 172–186.

⁴² Там же. С. 173.

⁴³ Там же. С. 174.

Упреки критики в легковесности собственных пьес Рышков отводил прежде всего на счет драматической цензуры, которая, по его мнению, в отличие от цензуры общей, после 1905 г. стала значительно строже и заметно «поправела». «Днем, просматривая газеты и читая журналы и беллетристические сборники, в них вы читаете довольно смелые (для нас, конечно) мысли и суждения по поводу того или иного просто ”проклятого” и даже сугубо проклятого вопроса, – писал Виктор Александрович. – Вечером в театре тот же вопрос разбирается и в пьесе; но тут, благодаря особой ”драматической цензуре”, он подносится вам в таком наивном детском освещении, о нем говорится с такими обходами и недомолвками или таким эзоповым языком, что, если вы не задумывались над этой нелепостью, вам становится смешно, скучно или досадно, а если задумывались – обидно и больно...».⁴⁴ На личной практике Рышков убеждался в том, что «крамольные» мысли дозволялось говорить в газете и в книге, но «со сцены – нельзя!..». Он писал:

«Главное действующее лицо моего ”Склепа”, полковник Томилин, заканчивает пьесу стихами Некрасова:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная –
Матушка Русь!..

Цензор вычеркнул слово ”бессильная”. Это было в 1906 году, после японской войны, когда сугубо воспрещалось признавать матушку Русь ”бессильной”...

Я не сообразил сразу, что для меня Некрасов – бог, а для цензора только ”бывший крамольник”, и возопил: – Да ведь это же – Некрасов!

– Знаю...

– Напечатано! Давно! Сотни тысяч людей знают это наизусть...

– Напечатать можно, а со сцены говорить нельзя, – был ответ...».⁴⁵

В цикле статей «Драмы театра» Рышков констатировал, что русскому драматическому писателю запрещалось касаться военной среды и военного быта, педагогической системы; он сетовал, что дьячка ему прикажут «переписать» в акцизного чиновника и в конечном сче-

⁴⁴ Рышков В. Драмы театра (I) // Театр и искусство. 1910. № 50. С. 972.

⁴⁵ Там же. С. 972–973.

те позволят изобразить бесцветного обывателя, «его семейное болото, неяркую любовь и домашнюю пошлость...».⁴⁶ При этом цензор необъяснимо вычеркнет две-три фразы (иногда и русскую поговорку!) или отдельные слова. Рышков иронизировал: «У меня в пьесе, – писал он, – вычеркнуто: “Я настоящий русский дворянин”. Как-никак – но ведь “дворянин” все-таки приличное слово...».⁴⁷

Помимо описанных придирок цензуры Рышков высказывался и по поводу полного непонимания того, «чего, собственно, требует пресса» от драматурга. «Ту самую пьесу, за которую сегодня автора вызывают всем театром две тысячи человек, собравшиеся на премьеру, – писал он, – критики бранят завтра в газетах. То же, что встречено публикой равнодушно и даже неодобрительно, критикой большей частью приветствуется».⁴⁸ Между тем драматург делал ставку именно на публику, а не на критику. Кроме того, сам стиль театральных рецензий вызывал его крайнее недоумение. «Мою “Казенную Квартиру” московская критика выругала почти единогласно. В одной специально-театральной газете некто писал буквально так: “Можно, конечно, пожалеть, что на такую ничтожную пьесу потрачено столько труда и таланта, так как не всякое ничтожество стоит возводить в перл создания”. <...> И – тут же: “И однако ж, пьеса имела несомненный успех”. В другой газете критик тоже писал, что не стоит и говорить о пьесе, так как, ясно, после второго раза ее уберут из репертуара. А пьеса прошла в Малом театре 52 раза. И тогда я спросил себя – неужели же и артисты Малого театра, и московское общество, 52 раза наполнявшее Малый театр, ничего не понимают, а понимает только этот критик, так неудачно предсказавший пьесе всего только два представления?».⁴⁹ Характеристику нравов театральной критики (в особенности московской) дал в одном из писем к драматургу В. Г. Тардов. Он писал Виктору Александровичу в марте 1909 г.: «Теперь о московской прессе. Вы с удивлением спрашиваете: как же это так? “Казенная квартира” (открывшая сезон 1908 г. в Малом театре. – *Н. П.*) прошла 45 раз, зрителям нравится, а все газеты ее обругали!?

Удивительного тут, по ближайшем рассмотрении, окажется немного.

Во-первых, в Москве не любят “делать успех” петербургским авторам (этот постоянный антагонизм Москва–Петербург!).

⁴⁶ Там же. С. 973.

⁴⁷ Рышков В. Драммы театра (II) // Театр и искусство. 1910. № 51. С. 995.

⁴⁸ Рышков В. Драммы театра (IV) // Там же. 1911. № 2. С. 37.

⁴⁹ Там же. С. 38.

А во-вторых... Вы знаете, должно быть, что театральная критика в Москве "в руках" "националистов"... боюсь выразиться прямее! Нет больших националистов, чем театральные критики; они "проводят" только "своих" или тех, которые почему-либо могут быть полезны "национальной идее". Как скоро человек перестал быть непосредственно для нации полезен, — они отворачиваются от него, как отвернулись от Чирикова» (ф. 270). «Казенную квартиру» бранили и в Петербурге, но, несмотря на это, пьеса вызывала интерес, она была переведена на болгарский язык и шла в Народный театр (Народном театре) в Софии под названием «Державна квартира». В целом же театральные рецензенты позволяли себе небрежный стиль в отношении многих драматургов: в этом Виктор Александрович не был одинок.

Пьесы Рышкова вызывали недовольство не только у газетчиков, но и у членов императорской фамилии. Так, после спектакля «День денщика Душкина», поставленного в Красносельском театре 4 авг. 1907 г., на котором присутствовали государь император, императрица Мария Федоровна и Александра Федоровна, великие князья и княгини, Владимир Рышков рассказал в «Воспоминаниях незаметного человека» о впечатлении, произведенном комедией на Николая II:

«...когда в красносельском театре поставили комедию моего брата, Виктора Александровича, "День денщика Душкина", Николай II возмутился и воскликнул:

— Неужели же денщики, в самом деле, в таком ужасном положении?!

Великий князь Николай Николаевич ответил:

— Нет, ваше величество, это все, конечно, неправда, автор строит из себя либерала, и напрасно цензура пропустила эту глупую вещь.

Тот, кто знает эту комедию, знает, конечно, как она "неправдива".

Об этом рассказывал брату Н. А. Корнев, ставивший спектакли в красносельском театре и получивший разнос за постановку "Душкина"» (ф. 270; Рышков Вл. «Воспоминания незаметного человека», неопубликованная часть).

Между тем «Душкин» успешно шел и в Александринском театре, и в театре Корша, а в благотворительных спектаклях участвовал сам драматург. В 1908 г. Рышкову поступило предложение о переводе этой комедии на болгарский язык, а позднее возникла мысль об экранизации пьесы. В архиве сохранилось письмо одного из первых профессиональных деятелей русского кинематографа А. С. Вознесенского (наст. фам. Бродский; 1880–1939), написанное Рышкову 17 авг. 1917 г. Вознесенский видел реальную возможность сделать опытного

драматурга соучастником экранного творчества. Из письма следует, что Виктор Александрович уже включился в работу киносценариста и даже подготовил несколько инсценировок и что Вознесенский настаивал его «драматизировать» для кино сюжет комедии о денщике Душкине. Подтверждение этому находим в архиве драматурга в виде двух киносценариев «День денщика Душкина» и «Грушкин остров».⁵⁰ Развитию сотрудничества Рышкова с Вознесенским, вероятно, помешали революционные события, круто изменившие личные и творческие судьбы обоих драматургов.⁵¹

Особенной популярностью среди пьес Рышкова пользовалась комедия «Змейка», которая шла в петербургском Русском драматическом театре А. К. Рейнеке, в Большом театре Варшавы в исполнении артистов Александринского театра, ставилась в Малом Императорском театре и на многих провинциальных сценах. Интерес к пьесе был проявлен со стороны режиссера Финского национального театра Иисакки Латту, а также переводчика Д. Лапина, который предлагал перевести «Змейку» на английский язык и способствовать постановке пьес Рышкова в театрах Лондона. Музыкальный руководитель петербургского театра «Буфф», композитор и дирижер Вильгельм Шпачек, написал к пьесе Рышкова музыку, и оперетта «Змейка» вошла в список (в то время еще немногочисленный) отечественных произведений этого жанра.

Популярность пьес Рышкова способствовала тому, что в них играли столичные знаменитости. Так в драме «Склеп», переделанной Виктором Александровичем из повести «Всероссийское горе», роль Ольги Томилиной исполняла премьерша Александринского театра М. Г. Савина. Прочитав пьесу, она послала автору записку: «Прочла я Вашу пьесу, Виктор Александрович. Очень сильно, но и необыкновенно мрачно. Савина. 31/VII 906» (ф. 270; конволют «Склеп», л. 44). Премьера спектакля состоялась в Александринском театре 19 сент. 1907 г. Образ старой девы, замученной неблагополучной жизнью семьи, созданный Савиной, понравился критике. Кугель писал: «Это очень удачное лицо в пьесе г. Рышкова, едва ли не самое удачное и живописное. Все лучшие стороны своего наблюдательного и мягкого дарования автор отдал Ольге. Г-жа Савина, конечно, прекрасно

⁵⁰ Написан на основе одноименного рассказа, опубл.: Утро (Харьков). 1911. 19 февр. № 1275.

⁵¹ Вознесенский был репрессирован, реабилитирован посмертно.

справилась со своей задачей и в этой выпуклой роли оставила очень хорошее впечатление».⁵² Одновременно рецензенты наперебой обвиняли Рышкова в том, что он буквально отравил Савину никотином, дав ей «ядовитую» роль, в которой приходилось много курить. Газеты были наводнены фельетонами и шаржами на эту тему. Так «Петербургская газета» напечатала ее стихотворное «признание»:

Савина

Вся жизнь моя блистала, как алмаз!
Но день настал угрюмо-плоский,
Когда я в «Склепе» в первый раз
Узнала горечь папироски!⁵³

Сама актриса, впрочем, относилась к драматургу без особой симпатии. «А что такое Рышков? – вопрошала она в воспоминаниях. – Он повторяет Крылова, но его произведения я не сравню с крыловскими. Везде у него Мичурина повторяет одну и ту же “туалетную” роль и Давыдов поет цыганские романсы, что и делает сборы, принимаемые автором за успех».⁵⁴

В отличие от Савиной, актерский мир отвечал Виктору Александровичу, как правило, любовью и преданностью. Особенно ярко это проявилось в 1915 г., когда драматург задумал создать свой собственный театр. Он был буквально завален предложениями актеров и режиссеров. Вернуть актеру первенство в театре – таково было кредо Рышкова. Еженедельный журн. «Театр и искусство» сообщал: «Главная задача моего театра, – заявил В<иктор> А<лександрович> нашему сотруднику, – чтобы это был прежде всего театр актера. Другими словами, чтобы всегда на первом плане был актер, затем пьеса, а затем уже режиссер, декорации и т. д.».⁵⁵ «Не задаваясь великими задачами, – говорил Рышков читателям «Биржевых ведомостей», – мы просто хотим дать хорошего актера и хорошую здоровую пьесу, старую или новую все равно, лишь бы хорошую. <...> Сейчас я в боль-

⁵² *Homo novus*. Александринский театр («Склеп», пьеса в 3 д. В. А. Рышкова) // Русь. 1907. 21 сент. № 251. С. 5.

⁵³ Апулей. Савина // Петербургская газета. 1907. 24 нояб. № 323. С. 3. Апулей – псевдоним Жукова Виктора Васильевича (1856–1908) – журналиста, автора юмористических произведений.

⁵⁴ Неизданные воспоминания М. Г. Савиной // Театральное наследство. Сообщения. Публикации. М., 1956. С. 521–522.

⁵⁵ Б. н. Театр В. А. Рышкова // Театр и искусство. 1915. № 15. 12 апр. С. 254.

ших хлопотах, но их нельзя было бы никоим образом назвать ”страданиями одного директора”. Наоборот, это так весело, – приблизиться к давнишней мечте, и я чувствую себя помолодевшим». ⁵⁶

Вскоре была сформирована труппа. Приглашенными режиссерами стали барон Рудольф Альфредович Унгерн (известный своим участием в постановке оперы-пародии «Вампука, принцесса Африканская» в театре Кугеля «Кривое зеркало») и В. А. Бороздин. Премьершей своего театра Рышков видел уже известную в Москве актрису Татьяну Павлову (наст. имя и фам. Татьяна Павловна Зейтман; 1890–1975), чья звезда только начинала восходить тогда в Петербурге: она обратила на себя внимание исполнением главной женской роли в пьесе Г. Г. Ге «Реймский собор». ⁵⁷ Руководство будущим театром Рышков оставил за собой.

Многие драматурги предложили свои пьесы новому театру. Среди них были: С. С. Юшкевич («Мендель Спивак»), М. П. Василевская («Под перекрестным огнем»), Н. А. Крашенинников («Сказка о Солнце»), Н. Ф. Черешнев («Сады земные»), С. А. Гарин («Звериное» (Последнее танго)), П. П. Немвродов («Душа мятежная»), Л. Н. Урванцов («У белого камня»), Б. А. Рославлев («Христов домик») и др.

Рышков уже занялся подбором пьесы для открытия театра и сезона, но мечте его так и не суждено было сбыться: драматург пал жертвой мошенничества. Отдав все деньги, предназначенные на ремонт здания для театра некоему авантюристу Г. Я. Заславскому, он не только не получил к назначенному сроку отремонтированного помещения, но похоже, что так и не сумел вернуть затраченные средства. Стараясь спасти положение, Виктор Александрович пытался устроить гастрольную поездку с труппой в Сибирь. Но время было упущено, и этот проект тоже сорвался.

⁵⁶ А. Новый театр (Беседа с драматургом В. А. Рышковым) // Биржевые ведомости. 1915. 13 апр. (утр. вып.). № 14781. С. 6.

⁵⁷ Виктор Рышков был посаженным отцом при венчании Павловой с артистом оперетты М. И. Вавичем (Биржевой вестник. 1915. 10 сент. № 15080). Брак впоследствии распался. В январском письме 1917 г. она писала драматургу: «А вот я не теряю надежды, что театр Рышкова существовать будет, и я буду в нем»; на подаренной ему фотографии актриса добавила: «Самому светлому хорошему Виктор<у> Алекс<андровичу> от любящей его Т. Павловой» (ф. 270). После революции Павлова эмигрировала в Италию, где организовала собственную драматическую труппу, имевшую успех. Карьера Павловой сложилась в эмиграции удачно: она выступала в качестве режиссера, снималась в кино, сотрудничала с итальянским телевидением и преподавала актерское мастерство.

В это время газетный мир ахнул от удивления, узнав, что оказавшийся в положении жертвы Виктор Рышков выплатил – без всяких проволочек и уловок! – неустойку всем актерам, с которыми был заключен договор. Обычная практика была иной: русским актерам приходилось прибегать к мировому посредничеству, чтобы получить штраф с антрепренера.

В связи с этим событием московская газ. «Новости сезона» писала: «В анналы театра, вероятно, будет занесен как факт беспрецедентный, благородный поступок дирекции неосуществившегося петроградского театра драматурга Рышкова. <...> Может быть, драматургу и бывшему председателю совета театрального общества иначе поступать и не этично. Но, может быть, с другой стороны, именно Рышков, благодаря своим связям и значению в театральном мире, скорее, чем кто-нибудь другой, мог рассчитывать на снисхождение товарищей ввиду постигшего его действительного несчастья».⁵⁸

Любовь Виктора Рышкова к театру выразилась не только в порядочности по отношению к актерской братии. Он занимался театральной деятельностью и входил в правление Союза драматических и музыкальных писателей наряду с Н. Ф. Арбениным, В. В. Билибиным, Г. Г. Ге (секретарь), В. С. Лихачевым (казначей), Я. А. Плющевским-Плющиком, И. Н. Потапенко (товарищ председателя). Рышков был товарищем председателя с 1909 г. Когда Союз драматических и музыкальных писателей стал устраивать конкурсы им. А. Н. Островского, Рышков (сам прошедший на сцену на конкурсной основе) был не только членом жюри, но и председателем IV и XI конкурсов (выборная должность), при этом на его обязанности лежало чтение пьес. В архиве драматурга сохранились правила XI конкурса, список представленных произведений, список членов жюри, а также краткие записи, касающиеся поступивших на рассмотрение восьмидесяти четырех пьес. Со знанием дела Виктор Александрович советовал молодым драматургам представлять свои творения на конкурс, заверяя их, что «большинство жюри читает, и потому мало-мальски хорошая пьеса» будет «непреренно замечена».⁵⁹ Характерный отзыв о Рышкове как человеку дал актер В. Ф. Лебедев, написавший драматургу 13 марта 1912 г.: «Вы милосердны, как самарянин, и точны, как американец. В этом доме что-то не русское, хотя Вы весь "из быта", как теперь выражаются критики» (ф. 270; конволют «Прохожие», л. 263).

⁵⁸ *Мы*. У рампы // *Новости сезона*. 1915. 10 авг. № 3105. С. 6.

⁵⁹ *Рышков В.* Драмы театра (III) // *Театр и искусство*. 1911. № 1. С. 12.

После Октябрьской революции театральное дело подверглось реорганизации,⁶⁰ театр раскололся на два лагеря – традиционный (академический) и революционный (экспериментальный). Последний рассматривал сцену как политическую трибуну, работал для нового зрителя и формировал позитивный образ советской власти. Ни идеологию, ни эстетику «театрального Октября» Виктор Рышков принять не мог.

Осенью 1918 г. по обстоятельствам военного времени драматург собрался покинуть Петроград и уехать в Москву. Перед выездом он определил свой архив на хранение в Пушкинский Дом. Это не было случайностью. Среди основателей Пушкинского Дома, первоначально задуманного как учреждение, в котором были бы собраны все материалы, касающиеся Пушкина (рукописи, книги, иконография и т. д.), а впоследствии ставшего научно-исследовательским институтом РАН, стоял брат драматурга, Владимир Александрович. Он несколько лет занимался устройством благотворительных спектаклей в пользу Пушкинского Дома в Москве, Петербурге и в провинции. Таким образом, через брата Виктор Александрович был коротко знаком с пушкинодомскими учеными.

Приняв архив Рышкова, Пушкинский Дом снабдил драматурга удостоверением № 2609 от 5 окт. 1918 г. в том, что он командирован в Москву для научных работ по истории русской литературы и театра в музей А. А. Бахрушина сроком на два месяца. 11 нояб. 1918 г. Виктор Александрович прислал письмо на имя Б. Л. Модзалевского с просьбой о продлении командировки до 5 февр. 1919 г. После чего Пушкинский Дом дважды высылал удостоверения, продлевая пребывание драматурга в Москве до 5 мая 1919 г.

В это время продовольственный вопрос стоял остро по всей России, но в столичных городах – особенно. В упомянутом письме к Модзалевскому Рышков писал: «Тут в смысле продовольствия то же, что и в Питере. Нет ничего. И все есть для того, кто может платить дикие цены. Я не голодаю только потому, что сын мой и его сослуживец и сожитель, имея массу друзей и ходов, ухитряются все доставать, – и по сходным ценам».⁶¹

⁶⁰ Подписанный В. И. Лениным 26 авг. 1919 г. декрет «Об объединении театрального дела» стал итоговым документом, после принятия которого руководство театрами взял на себя Театральный отдел Наркомпроса.

⁶¹ СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 1 (1899), № 1, л. 205 об.–206.

В дальнейшем Виктор Александрович с женой и дочерью отправились в провинцию, где жить было сытнее. Они перебрались в г. Алексин Тульской губернии, там драматург служил режиссером и актером в местном театре. Обстоятельства и настроения «провинциального» периода жизни Рышкова известны из его письма к директору Пушкинского Дома Н. А. Котляревскому от 20 апр. 1921 г. «Немыслимо, невыносимо сидеть и дальше в этой "добровольной" ссылке, – писал Виктор Александрович, – в уездном городишке, куда три года назад я бежал с семьей от тогдашней питерской голодовки... И, если у Вас есть на это какая-либо возможность, – вызвольте меня отсюда. В музей, в Пушкинский дом, – куда-нибудь – к книгам. Главное, чтобы я имел дело с книгами, с вещами, а не с людьми. Главное – чтобы я не был все время среди людей. Потому я и не прошусь в театр, потому и не хотел бы читать "лекции" в кинематографах, как покойный Измайлов. <...> Работать я еще могу по-прежнему. И здесь работаю 12 часов в сутки. В полном моем владении местный театр, его административно-хозяйственная часть. И я же режиссер. И главный актер – я же. И потому с женою и дочерью были пока все время сыты; мало того – имею все, что другие давно уже не имеют: сносную квартиру, дрова, прислугу даже... Но – дышать невыносимо, слово сказать не с кем, грязь и убожество кругом. <...> Средний сын мой (Лев. – *Н. П.*), доктор, умер в Сибири.⁶² Старший (Евгений. – *Н. П.*) пропал на юге, и два года не имею от него сведений. Так что в 58 лет я должен в смысле работы справлять "вторую молодость": на руках больная старуха жена и дочь. И, наконец, я и сам остался у себя на руках. Прошу Вас – помогите. А работать, повторяю, я еще могу...».⁶³

Сохранились также несколько писем, посланных Рышковым из Алексина в Петербург к драматургу, секретарю Союза драматических и музыкальных писателей, Б. И. Бентовину. 20 апр. 1921 г. (в тот же день, что и Котляревскому) Виктор Александрович писал Борису Ильичу, что «перебраться в Питер очень хочется, но это так осложне-

⁶² Лев Викторович, военный врач, умер 27 янв. 1921 г. Через четыре года после кончины в парижских газетах «Вечернее время» (1925. 25 янв. № 230), «Последние новости» (1925. 27 янв. № 1459), «Русское время» (1925. 24 июля. № 37) был отмечен день его памяти. Сведения даны по изд.: Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: В 6 т. М., 1999–2005. Т. 6, кн. 1. С. 347. В этом издании место кончины указано предположительно: «Франция?». Судя по письму отца, его сын погиб в Сибири.

⁶³ РО ИРЛИ, ф. 135, № 595, л. 6–6 об.

но, что окончательно еще не решили».⁶⁴ В следующем письме он сообщил дату своего приезда: «...я приеду в Питер, если не случится чего-либо экстраординарного, или 30 Июля, или 2 Августа. И тоже – со всей семьей, и тоже навсегда, если власти не пустят меня за границу. А если пустят, а Франция впустит к себе, пробуду в Питере недели 2–3 и в конце Августа уеду через Финляндию в По... <...> Ну да теперь обо всем переговорим лично, когда я доберусь, наконец, до всех, кого оставил в Питере 4 года тому назад и кто за эти 4 года не переехал на кладбище...».⁶⁵

Май 1922 г. прошел в хлопотах Рышкова о разрешении на выезд во Францию, а заботы о французской визе взял на себя драматург Люсьен Бенуа (L. Benoist), приятель старшего сына Евгения Рышкова, уже живущего во Франции. Бенуа приглашал Виктора Александровича к себе «как заболевшего товарища-писателя» и даже выхлопотал из французского литературного фонда для него денежное пособие: рассматривалась возможность того, чтобы Рышкова перевез во Францию международный Красный Крест (благодаря службе сына Евгения, работавшего одно время помощником уполномоченного Русского Красного Креста⁶⁶). Но власти все-таки отпустили Рышкова за границу легально с советским паспортом, по его же словам, «для лечения и на время».

Перед отъездом, 14 нояб. 1922 г., Виктор Александрович простился с братом Владимиром, самым близким из родственников, оставшихся в России.⁶⁷ В этот день он записал в дневнике: «Но самое тяжелое прощание для меня с моим вечным и неизменным другом, Володей... Он давно сказал, что, конечно, не пойдет провожать меня на пароход. И вот сегодня, накануне отъезда, сошлись мы, старые гренадеры, вдвоем, в отдельном кабинете Донона (т<ак> к<ак> нашей милой “Франции” нет!), позавтракали, выпили и водки, и мадеры, поговорили обо всем, расцеловались крепко и расстались. И брызнули у меня на миг неудержимые слезы – признак старости, измученности, надрыва... Увидимся ли? <...> Пожали друг другу руки и разошлись. О, как я буду счастлив, если еще раз увижу тебя, мой добрый, хоро-

⁶⁴ РО ИРЛИ, ф. 53, № 26, л. 1 об.

⁶⁵ Там же, л. 3–3 об.

⁶⁶ См.: Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Биогр. словарь: В 3 т. М., 2008–2010. Т. 2. С. 677.

⁶⁷ Друзья называли Владимира «братом-двойником» Виктора. Так, А. Е. Зарин писал 16 нояб. 1908 г. Виктору Рышкову: «Кланяйтесь Вашему брату-двойнику» (ф. 270).

ший, родной человек. А не увижу – знай: я тебя очень любил. И любил всю жизнь».⁶⁸

Дальше Рышков с женой Софьей Евгеньевной и дочерью Гали оказались пассажирами так называемого «философского парохода». Как известно, было несколько рейсов немецких судов, на которых Советская власть высылала за границу неугодных лиц из Москвы, Петербурга, Киева и других городов. В интервью американской журналистке Л. Брайант для газ. «Интернейшенел Ньюс Сервис» Л. Д. Троцкий называл высылаемых граждан «политически ничтожными» элементами и при этом говорил: «Но они потенциальное оружие в руках наших возможных врагов...».⁶⁹

Первый рейс немецкого парохода «Oberbürgermeister Haken» («Обербургомистр Хакен», 29–30 сент.) вывез известных философов Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, И. А. Ильина, С. Е. Трубецкого и др. На борту второго рейса на пароходе «Preussen» («Пруссия», 16–18 нояб.) в Штеттин⁷⁰ отплыла еще одна группа философов, профессоров и писателей. Среди уезжавших были и те, кто покидал Россию по собственной воле. Так, о приезде русских граждан сообщала берлинская газ. «Руль»: «На пароходе "Preussen" в Германию, кроме высланных, прибыл еще ряд представителей петербургской интеллигенции: академик Нестор Котляревский – директор петербургского Пушкинского дома, проф<ессор> петербургского Политехнического Института Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, <...> известный режиссер Н. Н. Евреинов, драматург Виктор Рышков и др.».⁷¹

С «философского парохода» Виктор Александрович написал брату Владимиру письмо, которое было скорее радостным, чем озабоченным. Он сообщал о том, что «отчалили в 9 утра», что под ярким солнцем пересекли границу, что осмотр вещей был поверхностный, но, правда, «отобрали все письма и записки с поручениями» от друзей, оставшихся в России. Впрочем, Рышков предвидел нечто

⁶⁸ ГЦТМ, ф. 236, оп. 2, № 804, л. 3 об. (дневниковую запись Рышков приводит в своем письме к Вл. А. Рышкову 8 марта 1923 г.; упоминаются петербургские рестораны «Донон» и «Франция»).

⁶⁹ Цит. по: Геллер М. С. «Первое предостережение» – удар хлыстом (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 59.

⁷⁰ По решению Потсдамской конференции (1945) Штеттин вошел в состав Польши, и ему возвращено польское название – Щецин.

⁷¹ Цит. по: Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М., 2005. С. 39.

подобное и заранее скопировал все адреса в отдельную записку, «поместив ее на подошве левого ботинка».⁷² Вероятно, до него дошли слухи о том, что пассажиров предыдущего рейса осматривали тщательнейшим образом, и они были «не вправе взять с собой ни единой записки и вообще ничего, не помеченного в утвержденном инвентаре».⁷³

На пароходе Виктора Александровича особенно удивило гастрономическое изобилие, предложенное русским пассажирам. Приведем выписку из его письма о том, как был обставлен выезд высылаемой интеллигенции: «...кормят нас тут, как каплунов – на убой. В 9 кофе с сахаром, сливками, хлебом и маслом и яичницей в 2 яйца. В 12 завтрак: сардины, ветчина, колбаса, сыр и масло, а на второе свиные котлеты с картофелем. В 4 часа кофе с печеньем и в 7 часов – обед из трех блюд... Все свежее, чистое и вкусное. Вчера за едой вечером я спросил вина, и мне дали такого красного портвейна, какого я давным-давно не пил. Аромат, вкус и стекающие маслянистые потеки по рюмке».⁷⁴ Далее Рышков сообщал брату о своих спутниках: «Едут с нами Котляревский, Евреинов с женой. <...> Едут еще профессора Карсавин, Селиванов, Лосский и много журналистов из Дома литераторов. Все с женами, бабушками и малыши, средними и большими детьми. <...> Все перезнакомились. Да большинство и было знакомо. Чистота! Вежливое, предупредительное обращение».⁷⁵ В том же письме Виктор Александрович писал, что «Пруссия» попала в качку в ночь с 16 на 17 нояб., а в следующую ночь, хотя «бури не было, но волны были очень большие», и, по его словам, «из 56 пассажиров не легли и вынесли все на ногах и все время ели 6 человек, в том числе Котляревский, я и проф<ессор> Лапшин».⁷⁶

⁷² ГЦТМ, ф. 236, оп. 2, № 799, л. 1 об. (письмо В. А. Рышкова к Вл. А. Рышкову с парохода «Пруссия» было начато 16 нояб. 1922 г., продолжено 18 нояб. и закончено 21 нояб.).

⁷³ *Осоргин М.* Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж, 1992. С. 235.

⁷⁴ ГЦТМ, ф. 236, оп. 2, № 799, л. 1 об.–2.

⁷⁵ Там же, л. 2 об.–4. В письме упоминаются историк литературы, первый директор Пушкинского Дома *Котляревский Нестор Александрович* (1863–1925); режиссер, драматург, теоретик театра *Евреинов Николай Николаевич* (1879–1953); философ, историк-медиевист *Карсавин Лев Платонович* (1882–1952); математик, педагог *Селиванов Дмитрий Федорович* (1855–1932); философ *Лосский Николай Онуфриевич* (1870–1965).

⁷⁶ Там же, л. 3 об. В письме упоминается философ *Лапшин Иван Иванович* (1870–1952).

Судьбы пассажиров «философского парохода», прибывшего в Штеттин, сложились по-разному.⁷⁷ Путь Рышковых лежал в Берлин, куда они приехали 19 нояб., затем отправились во Францию, где на ферме в По жил сын Евгений с семьей. 26 нояб. Виктор Александрович с женой и дочерью добрались до цели и застали родных в тяжелых бытовых условиях. «Это батрак, – писал драматург о сыне брату Владимиру, – занятый с утра до ночи исключительно физическим трудом; а жена его занята только кухней, стиркой, ребенком».⁷⁸

Между тем старший сын драматурга, Евгений, литературные способности которого отец направлял с молодости, еще на родине начал публиковаться в петербургской периодике, печатал рассказы, стихи и статьи в журналах «Витязь» (1910–1915), «Огонек» (1914), «Новая всемирная иллюстрация» (1912–1914), а кроме того, проявил себя как карикатурист.⁷⁹ Он пошел по стопам отца и был автором нескольких пьес, разрешенных цензурным комитетом к постановке, среди которых были: «Смелый полет». СПб., 1911 [литогр. текст]; «Три солдата». Пг., 1915 [литогр. текст] и др.⁸⁰

Во время Гражданской войны Евгений Рышков был активным участником Белого движения, служил подпоручиком 2-го Офицерского стрелкового полка генерала М. Г. Дроздова. В 1920 г. он перешел во флот и эвакуировался из Крыма на миноносце, команда которого обосновалась в дальнейшем на французской ферме под Марсе-

⁷⁷ См. об этом: *Макаров В. Г., Христофоров В. С.* Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом–осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 113–137.

⁷⁸ ГЦТМ, ф. 236, оп. 2, № 800, л. 1 (письмо В. А. Рышкова к Вл. А. Рышкову. 1922, 2 дек.).

⁷⁹ Подписывал рисунки псевдонимом «Эрь». В письме к А. А. Измайлову от 8 февр. 1917 г. Евгений писал: «Увидев отпечатки своих рисунков, я понял, что мне следует избегать слишком тонких линий и мелких вырисовок» (РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 1, № 292, л. 1). См. его рисунки под названием «Полезные советы обывателю»: Петроградский листок. 1917. 6 февр. № 36. С. 2. См. также шарж на отца (ф. 270; конволют «Змейка», л. 25 об.).

⁸⁰ Другие пьесы Е. В. Рышкова см. в Отделе редкой книги, рукописей и изобразительных материалов (ОРИК) Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки (СПб ГТБ). Среди них: «Бессмертие и блаженство» [машинопись; ценз. запрет 1913]; «Русские в Берлине в 1760 году (Лейб-кампанец)». Историческая пьеса в 5 д. [машинопись; ценз. разрешение 1914]; «Песнь победы». Пьеса в 1 д. [машинопись; ценз. разрешение 1914]; «Мотылек». Пьеса. 1915 [рукопись; ценз. разрешение 1915].

лем. Эта эпопея была описана позже Евгением Викторовичем в автобиографическом романе «Экипаж “Одиссеи”» (Париж, 1928). Литературным трудом занималась и его жена – Евгения Николаевна Рышкова (Тарусская; урожд. Фалеева; 1893; по др. св. 1895–1981) – выпускница Высших женских Бестужевских курсов, печатавшаяся в 1905 г. под псевдонимом «Леда» в сатирическом петербургском журн. «Зритель». В Гражданскую войну она эвакуировалась с войсками генерала П. Н. Врангеля в Константинополь, а с 1920 г. жила в Париже.⁸¹ Однако на момент приезда Виктора Александровича о литературной деятельности супругам Рышковым-младшим думать не приходилось.

«И уже 27-го вечером я решил совершенно определенно, – продолжал Виктор Александрович в письме к брату от 2 дек. 1922 г., – или все мы переедем жить и работать в Париж, или, прожив тут до Апреля, я вернусь со своим маленьким семейством на родину. Но вчера мы составили совет и решили действовать, чтобы переехать в Париж и работать там. <...> Во всех отношениях получилось совсем не то, о чем я мечтал, добиваясь с невероятными трудностями переезда сюда».⁸² Еще одну весточку о себе из По Рышков отправил 5 дек. 1922 г. другу семьи – Н. М. Гариной. «Сообщаю Вам, дорогая Нина Михайловна, – писал он, – что 26 ноября мы добрались, наконец, до места. Жена чувствует себя гораздо лучше, чем в России. Очень хочу знать – как здоровье Сергея Александровича? И Ваше? Пишу эту открытку, чтобы начать переписку».⁸³

Первые общие впечатления от эмиграции были у Рышкова в основном неблагоприятные. Для него стало сюрпризом то, что ему, как и всем писателям, включая тех, кого «совсем легально, с паспортом, Сов<етская> Власть отпустила за границу сама»,⁸⁴ было запрещено по распоряжению А. В. Луначарского перечислять из России гонорар. Об этом сообщил драматургу Бентовин. Позднее высылка

⁸¹ В дальнейшем Евгения Николаевна была сотрудницей газ. «Возрождение», журн. «Часовой», работала секретарем газ. «Русская мысль» (1947–1968), автором романа «Дорогой дальнею. Пленное знамя» (Париж, [б. д.]). См. о ней подробнее: Российское зарубежье во Франции: 1919–2000. Т. 2. С. 678.

⁸² ГЦТМ, ф. 236, № 800, л. 1–2 об.

⁸³ РО ИРЛИ, ф. 736, № 57, л. 33 об. В письме упоминается *Гарин (наст. фам. Гарфильд) Сергей Александрович* (1873–1927) – прозаик, поэт, драматург, партийный и общественный деятель.

⁸⁴ ГЦТМ, ф. 236, оп. 2, № 818, л. 1 об. (письмо В. А. Рышкова к Вл. А. Рышкову. 1923, 1 сент.).

денег возобновилась,⁸⁵ но непосредственно после приезда во Францию это имело особое значение для Рышкова, и, вероятно, он надеялся получить деньги от постановки последней своей комедии «Былое (Губернатор)», написанной еще в России и изданной Вологодским областным отделением Государственного издательства.⁸⁶ Пьеса была поставлена в петербургском театре «Пассаж» С. Ф. Сабурова. Бентовин, откликнувшись на эту новинку, отметил, что комическую историю губернатора исполнили «неважно», хотя были заняты лучшие силы театра – Е. М. Грановская и С. Н. Надеждин.⁸⁷ Премьера состоялась в конце ноября 1922 г., когда Рышков был уже в эмиграции.

Приехав в Париж, Рышков увидел, что русские артисты (из молодых) работают на фабриках, торгуют портсигарами, делают игрушки, т. е. занимаются, по его словам, не своей работой. «Куприн, Бальмонт, Бунин, Мережковский, – сообщал он брату 1 сент. 1923 г., – все живут впроголодь».⁸⁸ Исключениями на тот момент были немногие, среди которых драматург, в частности, называл разбогатевшего основателя пародийного театра «Летучая мышь» Н. Ф. Балиева, приезжавшего на гастроли из Америки (21 июня 1923 г. он устроил гала-концерт в пользу русских ученых, писателей и журналистов), и балерину А. М. Балашову-Ушкову.

Обосновавшись во французской столице, Рышков попытался влиться в новую культурную среду. Драматург выступал на литературно-музыкальных вечерах с чтением своих произведений в Обществе русских студентов для изучения и упрочения славянской культуры (ОРИУСК) и в Клубе Союза русских писателей и журналистов. Так, по сообщению газ. «Последние новости», 9 июня 1923 г. состоялся «Очередной литературно-музыкальный вечер с участием В. А. Рышкова и Н. Н. Собиновой-Вирязевой».⁸⁹ 21 июля там же Рышков читал «День денщика Душкина», и кроме него в вечере приняли участие «артистка Одесской оперы М. А. де Рибас, г. г. Окороченко,

⁸⁵ См. об этом: РО ИРЛИ, ф. 53, № 26, л. 7–7 об. (письмо В. А. Рышкова к Б. И. Бентовину. 1924, 20 мая).

⁸⁶ *Рышков В.* Былое (Губернатор). Вологда, 1922.

⁸⁷ *Бентовин Б.* Петербургские письма // Театр и музыка. 1922. 28 нояб. № 9. С. 127.

⁸⁸ ГЦТМ, ф. 236, оп. 2, № 818, л. 3 об.

⁸⁹ Цит. по: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Т. 1–4. Франция. М.; Paris, 1995–1997. Т. 1: 1920–1929. С. 103 (далее: Русское зарубежье: Хроника).

Канторович». ⁹⁰ 25 авг. ОРИУСК устроил второй общедоступный спектакль, на котором были представлены комедии драматурга «Очень просто!» и «Клен, барон и Агафон». ⁹¹ 24 нояб. там же Рышков читал одно из своих произведений. ⁹²

И наконец, 16 дек. 1923 г. состоялся вечер в ознаменование 35-летней литературно-театральной деятельности драматурга. ⁹³ В программе значилось: «вступительное слово А. И. Куприна; комедия В. А. Рышкова "Желанный и неожиданный" при участии гр. Л. М. Гурно, М. В. Радиной, Г. С. Ермолова, А. И. Куприна и автора (постановка В. Д. Муравьева-Свирского); комедия В. А. Рышкова "Очень просто!" в чтении автора; концертное отделение. Поздравление П. Н. Милюкова». ⁹⁴ На вечере присутствовали писатели, актеры, артисты балета, а певица Е. И. Терьян-Корганова привезла красные розы. Сохранился отклик Виктора Александровича на это событие в письме к брату: «Приветствовали речами и Куприн, и Милюков, а здешние русские актрисы поднесли адреса. И – тоска, тоска!..». ⁹⁵ Кроме того, Рышков предпринял шаги по внедрению своих пьес на парижскую сцену: на французский язык была переведена его «Змейка» и был начат перевод «Обывателей» для национального театра «Одеон».

3 сент. 1923 г. Виктор Александрович посетил в Париже русского коллекционера, собирателя пушкинских реликвий А. Ф. Онегина, который произвел на драматурга столь сильное впечатление, что описанию этого визита Рышков посвятил целое письмо. «Лицо желтое, словно пергаментное, – писал он об Онегине на следующий день, – и седой пух на голове. В главной комнате музея стоит кресло, в котором он сидит целый день, и кровать, в которую он ложится на ночь. Говорит, что скоро умрет, а умирая, желает в последний раз окинуть взглядом "все это"...». ⁹⁶ Собрание книг, изобразительных материалов и памятных вещей Онегин завещал передать Академии наук после

⁹⁰ Там же. С. 107.

⁹¹ Там же. С. 108.

⁹² Там же. С. 113.

⁹³ Начало профессиональной литературной деятельности Рышкова относится к октябрю 1888 г., а вечер 16 дек. был назван юбилейным исключительно, по словам драматурга, «для сбора».

⁹⁴ Русское зарубежье: Хроника. Т. 1: 1920–1929. С. 116.

⁹⁵ ГЦТМ, ф. 236, оп. 2, № 809, л. 3–3 об. (письмо В. А. Рышкова к Вл. А. Рышкову. 1923, 27 дек.).

⁹⁶ РО ИРЛИ, ф. 184 (фонд не обработан; письмо В. А. Рышкова к Вл. А. Рышкову. 1923, 4 сент.).

своей смерти. Поразительным показался Рышкову и «быт» (точнее, отсутствие быта) коллекционера. «Нет ни туфель, ни халата, ни гардероба, ни щетки, ни стола, ни хотя бы столика, накрытого скатертью для еды, ни вешалки для платья: три комнаты музея и среди одной из них кровать! И в прихожей не прихожая, а музей... <...> Я бы хотел заглянуть к нему невидимо ночью, – продолжает Рышков. – Так и кажется, что он разговаривает с Пушкиным и выслушивает его ответы».⁹⁷

Драматург принимал у себя академика С. Ф. Ольденбурга и пушкиниста М. Л. Гофмана, командированных Академией наук для решения вопросов онегинского музея и дальнейшей передачи его в Пушкинский Дом. Оказавшиеся за границей соотечественники каждый по-своему делали выбор, где им жить дальше, и Гофман, имевший возможность вернуться домой, признался Рышкову, что решил остаться во Франции.⁹⁸ А Виктор Александрович, осмотревшись, затосковал и стал думать о том, что «нищим все-таки лучше быть дома, чем на чужбине. Тут не останусь, прекрасно сознавая, что и домой вернуться не на радостную жизнь».⁹⁹

В письме от 27 дек. 1923 г. к Бентовину Рышков выражал желание возвратиться в Россию и просил своего адресата выяснить вопрос о том, как это осуществить. «...сообщите мне – кому (не Луначарскому ли через Союз) я должен написать просьбу о моем желании вернуться в Россию, – писал драматург, – и что именно мне писать, чтобы получить это разрешение. <...> Надо иметь в виду, что я отпущен по Советскому Паспорту. Узнайте, ради Бога, и напишите мне подробно, не задерживая».¹⁰⁰

Впрочем, в середине февраля 1924 г. жизнь Рышковых-эмигрантов стала как будто налаживаться. Драматург успешно занимался «офранцузиванием» своих пьес. Он уже знал, что его «Змейка» принята к постановке под названием «Kirá» в один из лучших комедийных театров – «Пале-Рояль» и должна была пойти в сентябре. Виктор

⁹⁷ Цит. по: *Краснобродько Т. И.* Хранитель // «Тень Пушкина меня усыновила...». Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 14.

⁹⁸ См.: Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Часть II. (1922–1926) / Публ. Т. И. Краснобродько // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 819.

⁹⁹ ГЦТМ, ф. 236, оп. 2, № 810, л. 3 (письмо В. А. Рышкова к Вл. А. Рышкову. 1924, 27 янв.).

¹⁰⁰ РО ИРЛИ, ф. 53, № 26, л. 5 об. (письмо В. А. Рышкова к Б. И. Бентовину. 1923, 27 дек.).

Александрович придумал себе псевдоним «Victor Rich» (другой вариант – «Victor Ruch»), похожий на французскую фамилию, а доходы с постановок было решено делить с переводчиком и драматургом Люсьеном Бенуа пополам.

Путь рышковских пьес на французскую сцену был обусловлен тем, что регулярно действующего русскоязычного театра в то время в Париже не было. Первый постоянный Русский драматический театр, созданный А. И. Хорошавиным и Н. Н. Евреиновым, был открыт 24 нояб. 1924 г. Репертуар театра, просуществовавшего до конца 1925 г., был сформирован с учетом интересов эмигрантской публики. «...Ей нужен был *театр-воспоминание*, театр-прошлое, театр уходящей России, – пишет театровед М. Г. Литаврина, – а не новации. <...> *Быт* и *речь* казались теми последними китами, на которых держалась ”зарубежная Россия”». ¹⁰¹ В этом контексте была востребована бытовая драма Рышкова, и режиссер П. Г. Спицын поставил пьесу «Начало карьеры». 6 дек. 1924 г. в спектакле участвовали Е. Краснопольская, Е. Муравьева, Г. Аверкиева, В. Ф. Панютина, А. Ф. Городецкий и др. ¹⁰² Такую же задачу – «служить эмиграции напоминанием о России» – ставил перед собой «Интимный театр» Д. Н. Кировой, которая еще на сцене Суворинского театра играла Таню в «Казенной квартире» Рышкова. Актриса открыла свой театр в 1927 г. в зале школы Р. Штайнера. Актерский (дорежиссерский) театр Кировой базировался на репертуаре 1900-х гг. и собирал полные залы, что объяснялось причинами, выходящими, по мнению исследователя В. Максимовой, за рамки театральной сферы. ¹⁰³ И здесь вновь пьесы Рышкова обрели своего зрителя: 15 июня 1930 г. была поставлена его пьеса «Прохожие». ¹⁰⁴ Когда 1 марта 1930 г. состоялось открытие еще одного нового русского Театра драмы и комедии под руководством О. В. Барановской, режиссер Г. Г. Рахматов поставил «Змейку», в которой участвовали Н. Квятковская, М. Круглякова, Д. Читорина, М. Долохов, Б. Карабанов и др. ¹⁰⁵ И наконец, еще раз зрители увидели «Змейку» 21 янв. 1939 г. в ис-

¹⁰¹ Литаврина М. Г. Русский театральный Париж. СПб., 2003. С. 34.

¹⁰² Русское зарубежье: Хроника. Т. 1: 1920–1929. С. 160.

¹⁰³ Максимова В. «Интимный театр» Дины Кировой в Париже // Pro scenium. Вопросы театра. М., 2006. С. 244–271.

¹⁰⁴ 15 июня 1930 г. в спектакле участвовали В. И. Морева, О. М. Южакова, Т. А. Оксинская, Е. В. Кедрина, Е. Я. Немирова, Н. П. Маслова, В. М. Дружинин, Г. С. Панютин, А. Д. Телегин, Н. Н. Новицкий, К. П. Карташев, С. П. Кононенко (Русское зарубежье: Хроника. Т. 2: 1930–1934. С. 74).

¹⁰⁵ Там же. С. 30.

полнении участников художественно-драматического кружка «Marseille».¹⁰⁶

Но все это случилось позже, а пока, в 1924 г., Виктор Александрович был озабочен скорее переводами собственных пьес (а не русскоязычными постановками) и работой для французской сцены. Весной 1924 г. семья Рышковых поселилась под Парижем. В письме от 20 мая к Бентовину драматург подробно описал место своего последнего пристанища – замок Dimeresse. «В заголовке этого письма мой дачный адрес до конца Сентября, – сообщал он, – и пишите теперь по этому адресу; ”M<a>ssy”¹⁰⁷ – это деревня с почтовым отделением; château Dimeresse¹⁰⁸ – замок; у владельца его я нанял домик в 4 комнаты, который стоит в саду; ”Seine et Marne”¹⁰⁹ – департамент, то же, что у нас губерния. В 30 верстах от Парижа. Красота неопишуемая. Большой фруктовый сад: груши, яблоны, сливы, вишни, абрикосы, персики, орехи, миндаль, виноград. Наш домик в два этажа, и весь он, все стены и крыша заросли розами и виноградными лозами. А перед окнами глициния, рододендрон, махровая сирень, ирисы, мимоза и какие-то мною невиданные, но поразительно красивые цветы и декоративные деревья. <...> Конечно, собираясь выбраться на лето из Парижа на воздух, я не мог и мечтать, что попаду в такой рай, и только случайно удалось найти его, притом совсем недорого. Семья сына и внук со мной. <...> Как поживется, не знаю, но пока мы все очень довольны. Буду тут писать новую пьесу, но из французской жизни и для Франции, а не для России. Мы будем писать ее вместе с моим переводчиком. И, возможно, я пришлю ее в Россию ”в переводе” на русский язык! Комедия без всякой политики. Сейчас мой переводчик уехал на лето в По, в Пиренеи, и там, закончив ”Обывателей”, будет переводить ”Склеп”. К осени думаем развернуться вовсю... Перед отъездом и меня, и жену смотрел Сиротинин и наговорил и мне, и ей много утешительного, если мы проживем лето не в Париже... <...> Теперь, сидя на даче, долго никого не увижу из русских; а зимой видел их, пожалуй, даже слишком много. И очень много видел весьма не симпатичного. И уж очень много глупого – особенно среди идиотов-монархистов. И рад, что не имею никакого отношения ни ко всем этим ”партиям”, ни к газетам. И сугубо рад, что на 4 месяца удрал от всего этого совсем.

¹⁰⁶ Русское зарубежье: Хроника. Т. 3: 1935–1940. С. 519.

¹⁰⁷ Масси (Масси) – пригород Парижа.

¹⁰⁸ Замок Димерес.

¹⁰⁹ Сена и Марна – французский департамент региона Иль-де-Франс.

Да и, вернувшись, смогу жить совершенно независимо от всей этой русской грызни и глупости. И как все эти "деятели" не хотят понять, что они все покойники при жизни?!

Привет Вам от всей моей семьи. А я вас крепко целую. И все-таки о том, чтобы увидеться с Вами, непрестанно мечтаю. И это будет!

С любовью Ваш Виктор
Рышков».¹¹⁰

Планам драматурга не дано было сбыться: через месяц с небольшим – 27 июля 1924 г. – Виктор Александрович скоропостижно скончался. Когда в Петроград пришло скорбное известие брату Владимиру, сообщение о смерти Рышкова было напечатано в «Красной газете» (1924. 31 июля. № 172, веч. вып.).¹¹¹ Затем некрологи появились в той же «Красной газете» (2 авг. № 174, веч. вып.), журн. «Новый зритель» (1924. № 32. С. 7–8; за подписью: Н. В.), а также в периодических изданиях Парижа, Берлина, Ревеля и Риги.¹¹² «Старый эмигрант» А. Ф. Онегин отметил в своей гостевой книге дату смерти драматурга с пометой о диагнозе («ужасн<ый> атеросклероз»¹¹³) и выразил семье Рышковых свое соболезнование, о чем косвенно свидетельствует письмо сына Евгения, в котором последний обещал навестить коллекционера и лично поблагодарить его «за память о папе».¹¹⁴

4 апр. 1925 г. в Русском драматическом театре в Париже состоялся спектакль памяти Виктора Рышкова, со вступительным словом выступил А. И. Хорошавин. Была поставлена «Змейка» – самая веселая из комедий драматурга. В спектакле участвовал К. Я. Григорович (в прошлом – артист Александринского театра).¹¹⁵

¹¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 53, № 26, л. 7 об.–9 об. В письме упоминается врач-терапевт, ученик С. П. Боткина, научный и общественный деятель *Сиротинин Василий Николаевич* (1856–1934).

¹¹¹ Отметим попутно, что в картотеке Л. Б. Модзалевского указана ошибочная дата смерти Рышкова (27 июля 1925 г.). Лев Борисович отметил, что сведения получены им от сестры драматурга – Любови Александровны 10 нояб. 1941 г. Вполне очевидно, что это ошибка памяти Л. А. Рышковой.

¹¹² См.: «Последние новости» (Париж. 1924. № 1307); «Время» (Берлин. 1924. 3 авг. № 316); «Дни» (Берлин. 1924. 2 авг. № 527); «Последние известия» (Ревель. 1924. 17 авг. № 212) и др. (см.: Незабываемые могилы. Т. 6, кн. 1. С. 347).

¹¹³ РО ИРЛИ, № 29313, л. 57 об.

¹¹⁴ РО ИРЛИ, № 29089, л. 1 (письмо Е. В. Рышкова к А. Ф. Онегину. 1924, 11 сент.).

¹¹⁵ Русское зарубежье: Хроника. Т. 1: 1920–1929. С. 180.

Ненадолго пережила мужа Софья Евгеньевна. Она умерла в Париже 19 дек. 1926 г.¹¹⁶ Трагично сложилась судьба любимого сына драматурга – Евгения. Во Франции он продолжил свою литературную деятельность: был автором многочисленных статей в периодической печати, соредактором газ. «Галлиполиец» («Gallipolietz»; издание русского воинства на чужбине), печатался в парижском «Возрождении», был одним из основателей и соредактором журн. «Часовой» («La Sentinelle»). Известность ему принесла книга «Дорогой дальнею: Роман из жизни русской эмиграции» (Париж, 1932). Будучи яростным противником сталинского режима, Евгений Рышков видел в фашизме силу, способную сокрушить большевизм. Во время Второй мировой войны он уехал в Германию, где печатался в еженедельнике «На казачьем посту» П. Н. Краснова, а в 1945 г. оказался сначала в Италии (г. Толмеццо), а затем перебрался в Австрию, где стал жертвой так называемой «Лиенцской трагедии»: 25 мая 1945 г., не желая быть выданным английским командованием в руки НКВД, он покончил собой.¹¹⁷

Не менее трагично закончилась жизнь дочери драматурга – Гали Викторовны Рышковой (1897–1944). Она стала женой военного историка и писателя Антона Антоновича Керсновского-младшего (1907–1944), воевавшего в рядах Добровольческой армии. В 1920 г. он эмигрировал, жил сначала в Югославии, затем в Австрии, а в середине 1920-х гг. обосновался в Париже. Керсновский был автором четырехтомного труда «История русской армии», изданного в Белграде в 1933–1938 гг. на средства русских эмигрантов. Во время Второй мировой войны был призван во французскую армию, после ранения демобилизован, сражался в рядах Сопротивления, был ранен, заболел туберкулезом и умер. В день его смерти Гали Викторовна покончила собой, выбросившись из окна. Их похоронили в одной могиле на кладбище Баньё. 31 мая 1946 г. останки Керсновских были перенесены на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.¹¹⁸

¹¹⁶ Незабывые могилы. Т. 6, кн. 1. С. 347.

¹¹⁷ Там же. Кн. 2. С. 316–317. Информацией о судьбе еще одного сына Виктора Рышкова, Палладия, выступавшего на сцене и оставшегося в России, не располагаем.

¹¹⁸ Сведения приводятся на основании изд.: Незабывые могилы. Т. 3. С. 263–264; На чужих погостах: Некрополь русского зарубежья. М., 2003. С. 117; Российское зарубежье во Франции: 1919–2000. Т. 1. С. 680.

II

Итак, обратимся теперь к оставшемуся в России архиву Виктора Рышкова. Как уже отмечалось выше, перед отъездом в Москву драматург передал 2 окт. 1918 г. на хранение «до востребования» Пушкинскому Дому свой литературно-театральный архив. В его планах было разобрать архив самому, выделив из него самое ценное и интересное по литературе для Пушкинского Дома, а по театру – для музея А. А. Бахрушина, который находился в то время в ведении Академии наук. Пушкинский Дом выслал Рышкову удостоверение от 20 нояб. 1918 г. о принятии его архива на хранение. Позже, уже из эмиграции, в 1923 г. Рышков прислал письмо в Академию наук, в котором писал:

«Ныне, ввиду изменившихся обстоятельств, прошу Правление Пушкинского Дома уничтожить оставленную мною в 1918 году просьбу и заменить ее следующей:

1. Если до моей смерти мне не удастся лично разобрать свой архив и выделить из него наиболее ценное и интересное – по литературе Пушкинскому Дому, а по театру Музею имени А. А. Бахрушина, прошу выдать мой архив для выполнения этого моего желания сыну моему, Евгению Викторовичу Рышкову, или дочери моей, Гали Викторовне Рышковой, – тому из них, кто представит удостоверение, выданное мне Правлением Пушкинского Дома 20 ноября 1918 г. за № 2617 и 2. Если до 20 декабря 1962 года – сто лет со дня моего рождения – ни я, ни поименованные дети мои не явятся для получения моего архива, прошу Правление Пушкинского Дома самостоятельно разобрать архив и, выделив то, что оно найдет достойным для передачи на вечное хранение Пушкинскому Дому и Музею имени А. А. Бахрушина, все остальное сжечь, не предоставляя и не передавая никому из моих близких и дальних знакомых и родственников.

4 мая 1923 г. Виктор Рышков».¹¹⁹

До последних дней Виктор Александрович надеялся, что он сам или его дети будут иметь возможность вернуться в Россию и заняться разборкой архива. Увы, этого не случилось. После смерти драматурга его дочь Г. В. Рышкова прислала в Пушкинский Дом заявление от 8 дек. 1924 г., в котором писала:

«Прошу об исполнении последней воли покойного отца моего Виктора Александровича Рышкова относительно оставленных им на

¹¹⁹ Цит. по: *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2005. С. 71.

хранение в Пушкинском Доме при Российской Академии Наук архивов.

Хранить их в неприкосновенном, запакованном виде впредь до возвращения моего или брата моего Евгения Викторовича Рышкова, коим покойный отец завещал разборку его архивов. Если ни я, ни брат мой не сможем исполнить волю отца – то архивы его подлежат хранению в запакованном виде до 1962 года (когда исполнится столетие со дня его рождения). В указанном году разборка архива должна быть произведена самим Пушкинским Домом при Российской Академии Наук». ¹²⁰

В следующем письме от 3 февр. 1925 г. Гали Викторовна просила Пушкинский Дом «приобщить к вышеупомянутым архивам рукописи отца», которые хранились «уложенные в один чемодан и одну ручную корзинку» у Вл. А. Рышкова и в которых находились, в частности, рукописи Виктора Александровича последних лет. ¹²¹

Формирование фонда Виктора Рышкова продолжилось после его смерти братом Вл. А. Рышковым (1865–1938), служившим чиновником особых поручений Академии наук, страстным театралом, водившим дружбу со многими коллекционерами дореволюционной России.

В ноябре 1926 г. Пушкинский Дом приобрел часть его архива (поступление № 524), где были письма к нему В. Я. Брюсова, Ю. Д. Беляева, П. П. Гнедича, Ф. Е. Корша, И. Л. Леонтьева-Щеглова, А. Ф. Онегина, М. П. Садовского и др.

10 окт. 1927 г. жена Владимира Александровича, Зинаида Абрамовна, и его дочь Кира Владимировна предложили к покупке его воспоминания за период с 1886 по 1917 г. ¹²² Присоединенные к архиву мемуары Вл. Рышкова, названные им «Воспоминания незаметного человека», были частично опубликованы автором настоящей статьи. К публикации были отобраны отрывки, касающиеся театральной столичной жизни, описания встреч с коллекционерами (А. А. Бахрушиным, И. Е. Цветковым, В. В. Протопоповым), а также любопытные сцены из внутриакадемического быта, портреты ученых, особенности научного и личного общения, подмеченные «незаметным человеком». ¹²³

¹²⁰ СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 1 (1924), № 7, л. 71.

¹²¹ Там же, л. 95.

¹²² *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. С. 71. Позднее автор воспоминаний прислал заявление, в котором разрешал читать воспоминания при жизни автора лишь Б. Л. Модзалевскому (Там же.).

¹²³ См. примеч. 10.

1 марта 1928 г. фонд пополнился еще одним приобретением от Вл. А. Рышкова, который вошел в историю филологической науки как пропагандист и один из организаторов Пушкинского Дома. Владимир Александрович передал в архив брата свои дневники, в которых отразилась история сбора пожертвований на памятник А. С. Пушкину в Петербурге с приложением документов (в копиях) (поступление № 731). Его дневник «Постройка памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге» был опубликован с купюрами В. П. Степановым.¹²⁴

25 мая 1930 г. Вл. Рышков попросил Рукописный отдел выдать собственные письма из архива покойного брата (семейную переписку), и этот запрос был удовлетворен.¹²⁵

22 июня 2005 г. Зоя Владимировна Левочская (подруга К. В. Рышковой) передала в архив Виктора Рышкова дневник Вл. А. Рышкова, посвященный его дочери Кире (отец вел его с первых дней новорожденной и до ее совершеннолетия), а также альбом семейных фотографий (поступление № 9).

Такова история формирования фонда драматурга.

Перейдем к краткому обзору тематической части его архива – театральной.¹²⁶

Преданность Виктора Рышкова театру отразилась в основательном коллекционировании фактографического материала по истории русской драматической сцены. Это собирательство возникло, вероятно, не без влияния известного купца, создателя театрального музея А. А. Бахрушина, с которым Виктор и его брат Владимир были в приятельских отношениях.

Наиболее ценной частью архива Рышкова, пожалуй, являются конволюты – переплетенные сборники, которые в течение многих лет Виктор Александрович целенаправленно и педантично составлял из различных театральных документов. Всего им сформирован двадцать один конволют. Девятнадцать из них посвящены пьесам Рышкова, названия которых он вынес на обложки конволютов: «Первая ласточка»; «День денщика Душкина»; «Болотный цветок»; «Желанный и нежданный»; «Барыня»; «Склеп»; «Очень просто!»; «Волна (Беспе-

¹²⁴ В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 119–159.

¹²⁵ Иванова Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома. С. 71.

¹²⁶ Материалы к биографии и деятельности фондообразователя, его переписка с родными уже цитировались нами в настоящей статье.

чальные)»; «Казенная квартира»; «Обыватели»; «Распутица»; «Прохожие»; «Клен, барон и Агафон (Вот, какая штука!)»; «Мартобря 86-го числа»; «Змейка»; «Светлые женские образы»; «Что узнали старушки»; «Первые шаги»; «Начало карьеры».

Как правило, конволюты содержат информацию о пьесах, начиная от их написания до постановки. В них включены как повторяющиеся виды документов, так и материалы, характерные лишь для конкретного сборника. Каждый из конволютов включает в себе: типографский экземпляр пьесы, расчетные листы и записи о получении гонораров из театров, сведения о прохождении пьес в цензуре, анонсы, отзывы, рецензии (вырезки из газет и журналов) и др. Многие сборники содержат афиши, программы, сведения о замене актеров в постановках, фотопортреты исполнителей. В некоторые из конволютов включены шаржи, эпиграммы, эскизы декораций, сведения о передаче авторского гонорара на благотворительные цели, извещения и приглашения на репетиции, адреса, поднесенные драматургу, информация о посещении Рышковым провинциальных театров, а также открытки с видами театров и гостиниц, где останавливался драматург. Встречаются и необычные вложения: например, засушенная ветка, которую поднесли драматургу на первом представлении пьесы «Казенная квартира» в Харьковском городском драматическом театре. Другой любопытный пример: в конволют «Прохожие» Рышков скопировал текст собственной надписи на крышке золотого портсигара, подаренного им В. А. Мичуриной-Самойловой в бенефис актрисы.

Важной составляющей конволютов являются письма актеров, режиссеров, драматургов, антрепренеров, агентов драматических союзов, секретарей литературно-художественных обществ, писателей, организаторов любительских спектаклей, переводчиков, критиков, фотографов, газетчиков, театралов, студентов и т. д. Среди корреспондентов драматурга были: Р. Б. Аполлонский, Б. И. Бентовин, Н. К. Боль, П. И. Вейнберг, Н. В. Давыдов, В. П. Далматов (Лучич), Е. П. Карпов, Ф. А. Корш, Н. А. Котляревский, В. А. Кригер, В. Ф. Лебедев, В. А. Мичурина-Самойлова, К. И. Незлобин, В. А. Нелидов, И. С. Платон, Е. Н. Рощина-Инсарова, Н. Н. Синельников, А. И. Сумбатов-Южин, А. И. Чарин, И. Л. Щеглов, Ю. М. Юрьев, А. А. Яблочкина, А. К. Янушева и многие другие. Письма родственников драматурга, содержащие те или иные сведения о постановках его пьес (впечатления, стихотворные послания), также вшиты в сборники. Нередко

встречаются коллективные телеграммы от артистов и друзей драматурга, посланные в связи с премьерой, исполнением пьесы в юбилейный раз и т. д.

Два конволюта, названные фондообразователем «Театр I» и «Театр II», содержат материалы о создании Рышковым собственного театра, – с первых шагов и до последних попыток спасти это так и не осуществившееся предприятие. В сборники включены планы здания театра, дневниковые записи об устройстве театра, списки артистов, давших согласие на службу, адреса и телефоны актеров, переписка с режиссерами, драматургами, актерами, писателями, художниками; записи об авансах, списки пьес, предполагаемых к постановкам, и др. Среди корреспондентов: М. И. Брусянина, Н. А. Будкевич, П. П. Гнедич, Н. М. Железнова, Н. А. Крашенинников, Н. Н. Синельников, И. А. Стравинская, Н. Н. Ходотов, А. В. Челидзе-Шейна и др.

Таким образом, включенные в конволюты документы представляют собой не только сведения о сценической жизни каждой из пьес Рышкова и раскрывают историю организации драматургом собственного театра, но также являются интересным иллюстративным материалом к тому, как было поставлено театральное дело в дореволюционной России.

Помимо конволютов внимания исследователей заслуживает другая часть фонда – большой корпус переписки Рышкова как писателя, журналиста, редактора журн. «Родная нива», театрального деятеля, письмоводителя Постоянной комиссии Академии наук. Среди его корреспондентов писатели, критики, историки литературы, издатели, художники. Перечислим лишь некоторых из них: С. Е. Добродеев, А. А. Дрождинин, С. В. Животовский, А. А. Измайлов, П. А. Каншин, А. К. Касаткин, В. Ф. Корш, Ф. А. Корш, А. Р. Кугель, А. И. Куприн, Б. Л. Модзалевский, Н. И. Позняков, И. Л. Щеглов и др.

Особенностью эпистолярного наследия Рышкова является то, что, ведя обширную деловую переписку, драматург, вероятно, для памяти оставлял на письмах пометы об их получении, указывал даты собственных ответов и нередко передавал их краткое содержание, а также давал пояснения к корреспонденции, оставленной без ответа. Так, например, журналист П. М. Соляной написал Рышкову 26 марта 1913 г.: «По поручению Редакции журнала "Аргус" покорнейше прошу вас прислать, в возможно непродолжительном времени, рисунок или текст (еще лучше то и другое) на тему: "Как вы представляете себе чорта"». Рышков сделал приписку, не предполагавшую ответ:

«Никак. А идиотов – ясно представляю себе» (ф. 270). Столь «говорящие» пометы на письмах и телеграммах – немаловажный штрих к взаимоотношениям драматурга с корреспондентами.

Историко-культурной значимостью обладают и вошедшие в фонд материалы брата драматурга, Владимира – переписка и в особенности его дневник «Постройка памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге», а также частично опубликованные «Воспоминания незаметного человека», о которых уже шла речь выше.

Таким образом, архив Виктора Рышкова является ценнейшей историко-культурной базой для исследований по истории русского драматического театра и дореволюционной культуры в целом. Именно так, по всей видимости, оценивал его значение и сам драматург. Очевидно, что, когда Виктор Александрович отвечал на анкету «Критико-биографического словаря», составители этого издания заинтересовались архивом драматурга и, судя по контексту, хотели воспользоваться им. На это Рышков ответил: «Передать же Вам этот архив я не могу, потому что для меня, для той специальной работы, которую я задумал и выпущу в свет через несколько лет, – это богатейший материал...».¹²⁷ О какой работе шла речь, доподлинно неизвестно. Возможно, это были воспоминания, к которым драматург приступил в Париже и о которых сообщал брату: «Все это начерно, без материалов, которые все в Петербурге. Это досадно... Пиши и ты. Пригодится и детям, и людям, и историческим журналам...».¹²⁸ Не исключено также, что собранные материалы Рышков предполагал использовать для другой, «специальной работы» – истории русского театра начала XX в.

¹²⁷ РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 3135, л. 10.

¹²⁸ ГЦТМ, ф. 236, оп. 2, № 818, л. 1 (письмо В. А. Рышкова к Вл. А. Рышкову. 1923, 1 сент.).